DOI 10.23859/2587-8344-2018-2-4-11
УДК 903.8; 903.21

Елена Леонидовна Костылёва
Кандидат исторических наук, доцент.
Ивановский государственный университет
(Иваново, Россия)
elkos-ty-le-va@mail.ru

Elena Kostyleva
Candidate of historical Sciences, Associate Professor,
Ivanovo State University
(Ivanovo, Russia)
elkos-ty-le-va@mail.ru

Артефакты из органических материалов из захоронений и «святилищ» могильника Сахтыш IIа (Центральная Россия)*

Artifacts from Organic Materials Found in the Graves and "Shrines" of Sakhtysh-IIa Burial Ground (Central Russia)

Аннотация. Могильник Сахтыш-IIа (Центральная Россия) исследовался в 1980–1990-е годы Верхневолжской экспедицией ИА РАН. На его территории было обнаружено 72 захоронения неолита-энеолита, относящихся к льяловской и волосовской культурам IV–III тыс. до н.э. В составе погребального инвентаря обнаруживаются хорошо выраженные культурные различия. В могилах льяловской культуры присутствовали малочисленные костяные орудия. В захоронениях волосовской культуры найдены разнообразные украшения из зубов и костей животных. Преобладали подвески из зубов медведя, культ которого широко представлен в волосовской культуре.

* Для цитирования: *Костылёва Е.Л.* Артефакты из органических материалов из захоронений и «святилищ» могильника Сахтыш IIа (Центральная Россия) // Historia Provinciae – Журнал региональной истории. 2018. Т. 2. № 4. С. 286–324. DOI: 10.23859/2587-8344-2018-2-4-11

For citation: Kostyleva E. Artifacts from Organic Materials Found in the Graves and "Shrines" of Sakhtysh-IIa Burial Ground (Central Russia). *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 2, no. 4 (2018): 286–324, http://doi.org/ 10.23859/2587-8344-2018-2-4-11

© Костылёва Е.Л., 2018
© Kostyleva E., 2018

Ключевые слова: Центральная Россия, неолит, энеолит, льяловская и волосовская культуры, могильник Сахтыш-IIа, костяные предметы и украшения.

Abstract. Sarhtysh-IIa burial ground was explored by the Upper Volga expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences in 1980–1990. 72 Neolithic-Aeneolithic graves attributed to the Lialovo and Volosovo cultures of 4th and 3rd millennia BC were found in its territory. The composition of the burial inventory reveals distinct cultural differences. A small number of bone tools were found in the graves attributed to the Lialovo culture. Various ornaments made of animal teeth and bone were found in the graves attributed to the Volosovo culture. Dominating among them were pendants made from the teeth of the bear the cult of which had broad representation in Volosovo culture.

Keywords: Central Russia, Neolithic, Aeneolithic, Lialovo and Volosovo cultures, Sakhtysh-IIa burial ground, bone objects and ornaments.

Введение

Уникальный комплекс из 15 памятников археологии, расположенных при истоке из Сахтышского палеоозера р. Койки (Кийки) в Ивановской области, получил широкое освещение более чем в 90 научных публикациях, как в России, так и за рубежом (Франция, Финляндия, Словения, США). Бóльшая часть из них вышла в различных российских изданиях, как в формате статей, так и в виде коллективных монографий[1]. За рубежом были опубликованы некоторые материалы со стоянок Сахтыш I, Сахтыш IIа и Сахтыш VIII[2]. Однако, необходимо заметить, что до сих пор отсутствуют обобщающие исследования, как по отдельным памятникам, так и по комплексу в целом. Полностью были опубли-

[1] Мы опускаем ссылки на них, которые бы заняли слишком большое место.

[2] *Utkin A.* Waterfowl representations on ceramics from Sakhtysh I and VIII // Fennoscandia Archaeologica. 1989. Vol. VI. P. 99, 100; *Kostyleva E., Outkin A., Ramseyer D.* Fiche masque sur bois d'élan // Objets méconnus: Industrie de l'os préhistorique. Paris: Société Préhistorique Française, 2001. Cahier IX. P. 85–89; *Hartz S., Kostyleva E., Piezonka H., Terberger T., Tsydenova N., Zhilin M.* Hunter-gatherer pottery and charred residue dating: New results on early ceramics in the north Eurasian forest zone // Radiocarbon. 2012. Vol. 54. № 3–4. P. 1033–1048; *Piezonka H., Kostyleva E., Zhilin M., Dobrovolskaya M., Terberger T.* Flesh or fish? First results of archaeometric research of prehistoric burials from Sakhtysh IIa, Upper Volga region, Russia // Documenta Praehistorica. 2013. Vol. XL. P. 57–73; *Piezonka H., Meadows J., Hartz S., Kostyleva E., Nedomolkina N., Ivanishcheva M.,* et al. Stone Age pottery chronology in the northeast European forest zone: New AMS and EA-IRMS results in foodcrusts // Radiocarbon. 2016. №58(2). P. 267–289; *Dolbunova E., Kostyleva E., Kulkova M., Meadows J., Mazurkevich A., Lozovskaya O.* Chronology of Early Neolithic materials from Sakhtysh IIa (Central Russia) // Documenta Praehistorica. 2017. XLIV. P. 176–191.

кованы лишь материалы сахтышских могильников, представленных полутора сотнями захоронений на Сахтыше I, II, IIa, VII и VIII[3].

Стоянки и могильники сахтышского микрорегиона исследовались на протяжении более 40 лет (начиная с 1962 года) Верхневолжской экспедицией Института археологии АН СССР (РАН) сначала под руководством Д.А. Крайнова, а затем – М.Г. Жилина. Хронологический диапазон материалов, полученных при раскопках памятников, – от раннего мезолита до эпохи Средневековья.

Наиболее масштабные раскопки были проведены на Сахтыше I, II, IIa, VIII и XIV. Информация о результатах работ регулярно представлялась в ежегоднике «Археологические открытия» и в отдельных публикациях. Наиболее полно документированы и изучены с точки зрения археологии, антропологии и хронологии были материалы могильника Сахтыш IIa[4].

В данной статье мы остановимся лишь на рассмотрении артефактов из органических материалов, обнаруженных в захоронениях этого памятника и «святилищах» Сахтыша IIa. Предмет изучения был выбран неслучайно. Он обусловлен тем, что далеко не на всех памятниках археологии, содержащих остатки погребений, сохраняется органика (костные останки погребённых, орудия, украшения, ритуальные предметы из кости, рога и дерева). А данное обстоятельство оставляет возможность неверной или неточной интерпретации материалов. Так, например, наличие янтарных украшений в одной из могил стоянки Вашутинская (Ярославская обл.), где костные останки из-за почвенных условий не сохранились, вызвало предположение, что это было женское захоронение в силу традиционных представлений, что янтарём украшали себя женщины[5]. Однако, благодаря хорошей сохранности костяков в захоронениях могильника Сахтыш IIa, удалось после выполнения антропологических определений установить, что янтарные украшения были только в могилах мужчин[6]. В связи с этим погребения с янтарём, где не сохранились костяки или в силу каких-то причин не удалось установить поло-возрастную принадлежность погребённых, можно связывать с захоронением мужчин или мальчиков. По крайней мере, это

---

[3] *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: Планиграфические и хронологические структуры. М.: ТАУС, 2010.

[4] *Крайнов Д.А., Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Погребения и ритуальные комплексы на стоянке Сахтыш IIa // Археологические вести. 1993. № 2. С. 20–30; *Крайнов Д.А., Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Могильник и «святилище» на стоянке Сахтыш IIa // Российская археология. 1994. № 2. С. 118–130; *Алексеева Т.И. и др.* Неолит лесной полосы Восточной Европы: Антропология Сахтышских стоянок. М.: Научный мир, 1997.

[5] *Гадзяцкая О.С., Уткин А.В.* Новые раскопки Вашутинской стоянки // Советская археология. 1989. № 1. С. 129; *Utkin A.* Graves of the Volosovo culture at the Vashutino site in Central Russia // Fennoscandia Archaeologica. 1993. Vol. X. P. 51–57.

[6] *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Указ. соч. С. 43–45.

положение может быть верным для захоронений, совершённых на памятниках центра Русской равнины. Здесь появление «янтарных» погребений было связано с приходом из Восточной Прибалтики в ранне-волосовское время отдельных групп людей (преимущественно мужчин? – Е.Л.). Однако надо заметить, что янтарные украшения, хотя и исключительно редко, присутствуют и в женских захоронениях позднего неолита Восточной Прибалтики, в частности, в могильнике Звейниеки[7]. Вместе с янтарными в ряде захоронений Сахтыша IIа были обнаружены также украшения из костей и зубов животных. Данное обстоятельство позволяет проводить сравнение с подобными украшениями, происходящими из женских захоронений без янтаря с целью уточнения их культурно-хронологической принадлежности.

Многослойный и многофункциональный памятник Сахтыш IIа, открытый в 1986 г. Д.А. Крайновым и Е.Л. Костылёвой, исследовался двумя раскопами с 1987 по 2015 г. (с перерывами)[8] (рис. 1).

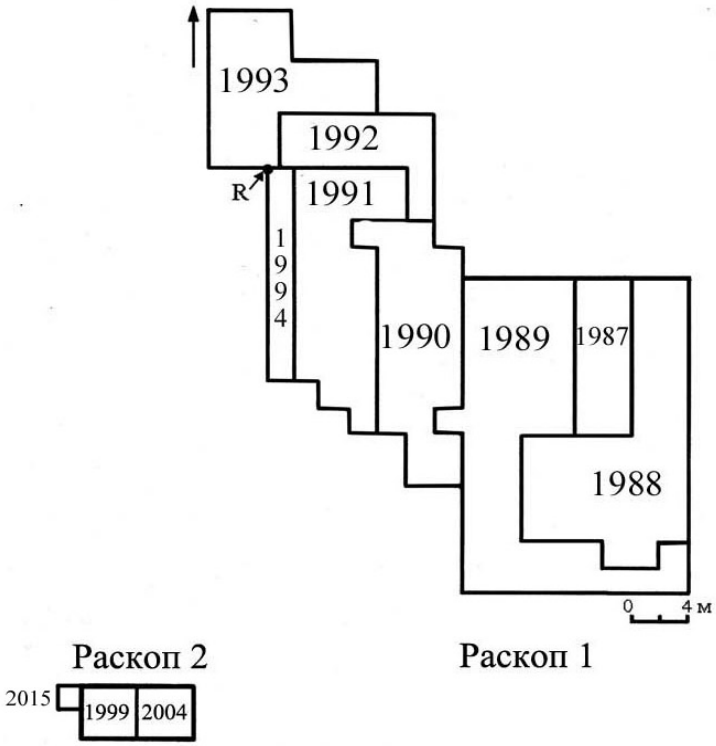

Рис. 1. План раскопов на памятнике археологии Сахтыш IIа
(рис. Е.Л. Костылёвой)

[7] *Zagorskis F.* Zvejnieku akmens laikmeta kapulauks. Riga: Zinatne, 1987. Lp. 110; *Larsson L., Stutz L.N., Zagorska I., Bērziņš V., Ceriņa A.* New Aspects of the Mesolithic-Neolithic Cemeteries and Settlement at Zvejnieki, Northern Latvia // Acta Archaeologica. 2017. Vol. 1. P. 71–75.

[8] *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* История и основные результаты изучения поселения и могильника Сахтыш IIА // Самарский научный вестник. 2014. № 4(9). С. 61–64.

Общая раскопанная площадь – почти 800 м^2. Раскоп 1 располагался на левом берегу р. Койки недалеко от озеровидного расширения, образованного при впадении в реку небольшого ручья. Мощность культурных напластований сравнительно невелика – 50–60 см. В раскопе было исследовано 67 могил с 72-мя захоронениями неолита-энеолита, относящихся к льяловской и волосовской культурам (IV–III тыс. до н.э. по традиционной хронологии) (рис. 2).

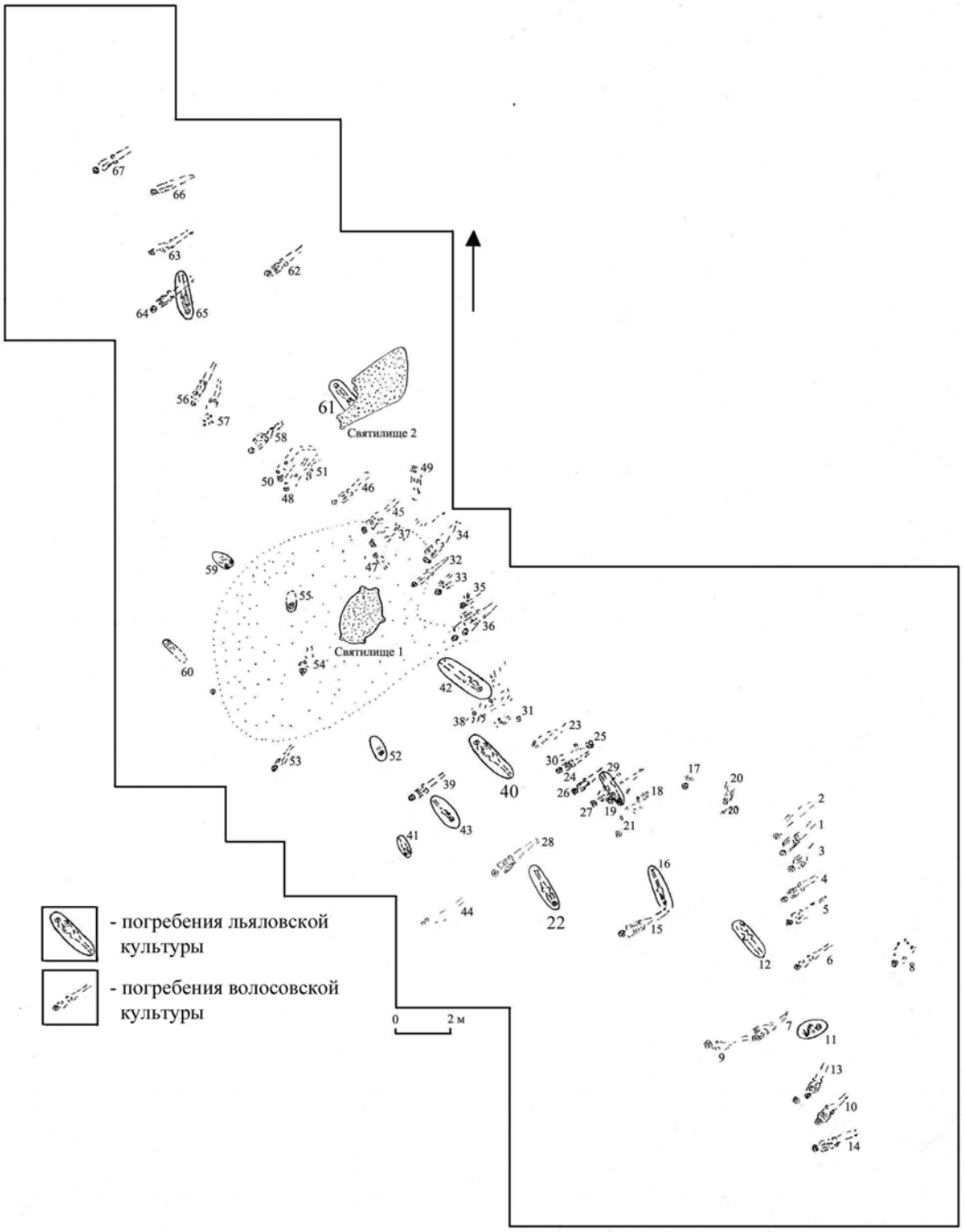

Рис. 2. Могильник Сахтыш IIа. План раскопа 1
(рис. Е.Л. Костылёвой, А.В. Уткина)

Раскоп 2 располагался в приустьевой части впадавшего в р. Койка ручья на заторфованном участке. Культурные остатки, представленные в основном артефактами эпохи мезолита, раннего и среднего неолита, вмещались здесь в двухметровой толще напластований и имели достаточно чёткое стратиграфическое членение. На данном участке памятника население занималось промысловой деятельностью, прежде всего, рыболовством, что нашло отражение в находках разнообразных орудий этого промысла.

Характер литологических слоёв (торф, сапропель, оторфованные супесь и суглинок) таков, что позволяет сохранять объекты из органических материалов: на суходольной части памятника (раскоп 1) они представлены изделиями из кости и рога, а в торфяниковой части (раскоп 2) также и предметами из дерева, связанными с орудиями рыболовства (верши, ботало).

Особый интерес представляют вещи из захоронений льяловской и волосовской культур и волосовских «святилищ». В захоронениях льяловской культуры погребальный инвентарь представлен преимущественно орудиями из кости, а в захоронениях волосовской культуры — украшениями из янтаря, кости, камня и зубов животных.

Основная часть

Артефакты из кости и рога из захоронений льяловской культуры

Всего на Сахтыше IIа было обнаружено 15 льяловских захоронений (рис. 2)[9]. Три из них (№ 22, 40, 61) сопровождались изделиями из кости[10] (рис. 3). Они располагались непосредственно рядом с костяками в определённом порядке и явно были связаны с погребёнными, а не попали в могильные ямы из культурного слоя при их засыпке[11].

В захоронении молодой женщины (№ 22) находились: широкий кинжал и узкий нож с фигурным навершием, подвеска из резца лося с нарезкой для привязи[12] (рис. 3: 5–8). С захоронением молодой женщины с младенцем (№ 61) связаны проколка, широкий нож и длинный роговой стержень неясного назначения (рис. 3: 1–3). В мужском погребении № 40 найден короткий кочедык из

[9] Два из них были парными и, таким образом, всего содержали 17 костяков.

[10] Кроме того, в женском захоронении № 65 под шейными позвонками была обнаружена глиняная эмбрионовидная фигурка. В остальных одиннадцати погребениях какой-либо инвентарь отсутствовал.

[11] Исключение составляет зубчатое острие из погребения № 22, принадлежность которого к данному захоронению вызывает сомнение. См.: *Костылёва Е.Л., Трейо Ж. (Treuillot J), Уткин А.В.* Костяной инвентарь льяловских захоронений могильника Сахтыш IIа (Из фондов археологического музея ИвГУ) // Вестник ИвГУ. 2015. Вып. 4. С. 54–55.

[12] Подвеска была обнаружена в ходе расчистки костяка под нижней частью ног и, возможно, находилась в засыпке могильной ямы или была перетащена сюда грызунами с верхней половины туловища.

метаподия лося (рис. 3: 4). Интерес представляет расположение орудий на костяках. Кочедык находился в 8–10 см от левой плечевой кости мужчины (погребение № 40). Проколка – непосредственно на правой плечевой кости женщины (погребение № 61). Возможно, в обоих случаях эти острые и достаточно длинные предметы служили своеобразными булавками для скрепления шкур животных, в которые могли быть завёрнуты умершие перед погребением.

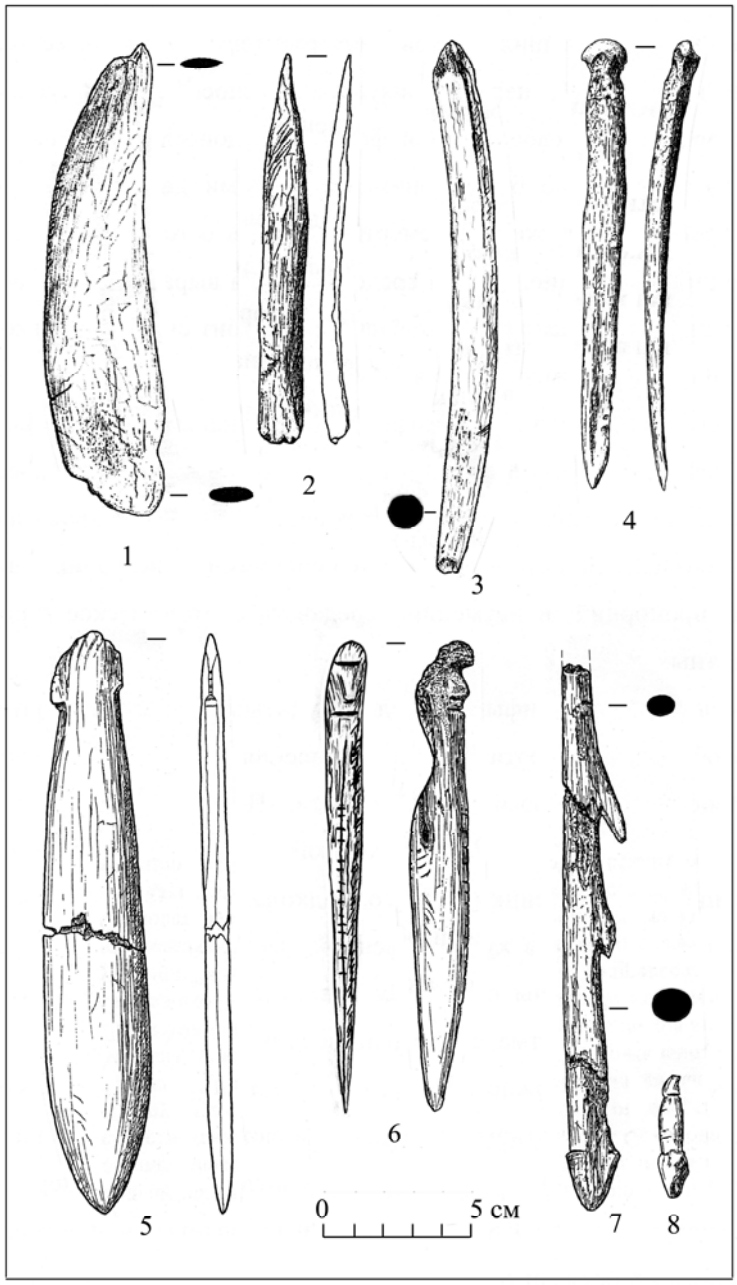

Рис. 3. Могильник Сахтыш IIа. Костяной инвентарь
из захоронений льяловской культуры:
1–3 – № 61; 4 – № 40; 5–8 – № 22
(рис. М.Н. Михайловой в обработке Е.Л. Костылёвой)

Кинжал и нож, находившиеся в захоронении № 22, скорее всего, имели охотничье назначение. Кинжал располагался на правой бедренной кости сзади и, видимо, помещался в кожаные ножны. В случае необходимости его удобно было быстро достать правой рукой. Узкий нож лежал с внешней стороны левой берцовой кости и, скорее всего, был «засапожным» ножом. Охотница, держа в правой руке кинжал, могла левой рукой достать из сапога нож и, таким образом, действовать обеими руками.

Совсем иной вид имел нож из могилы № 61, положенный в изголовье женщины: широкий, а по форме – близкой к серповидной. Судя по остаткам смолоподобного вещества на конце ножа, он крепился в какую-то рукоять, скорее всего, деревянную. Этот нож определённо предназначался для разделки рыбы. Упомянутый выше стержень неясного назначения из рога, располагавшийся также в изголовье, уникален. Он имеет длину 19 см, округлое сечение, сработан на конце. Возможно, это был роговой отжимник или вставка в рукоять ретушёра. Роговые отжимники в виде стержней-вставок использовались с эпохи мезолита, но наибольшее распространение получили в волосовской культуре. По мнению М.Г. Жилина, такие отжимники были «широко распространены в Северном полушарии от каменного века до этнографической современности и применялись в различных рукоятках»[13].

В 1981 г. на стоянке Ивановское III (Ярославская обл.) в ритуальном кладе волосовской культуры среди прочих предметов был обнаружен роговой стержень, аналогичный найденному в погребении № 61, но несколько меньших размеров, и единственная в своём роде деревянная рукоять к нему[14]. Возможно, что в погребении № 61 также находился подобный деревянный предмет, не сохранившийся в силу почвенных условий. К сожалению, трасология орудий не проводилась. Вещи из захоронения № 61 были утрачены в ходе музейного хранения и оказались недоступны для дальнейшего изучения[15]. А орудия из погребений № 22 и 40 были изучены лишь на предмет технологии их изготовления[16].

Отсутствие каких-либо украшений в льяловских захоронениях Сахтыша IIа, кроме упомянутой выше подвески из погребения № 22, объяснить достаточно сложно, учитывая, что на соседнем памятнике Сахтыш II с костяком льяловского ребёнка 1–3 лет (погребение № 21) было обнаружено шесть подвесок из зу-

---

[13] *Жилин М.Г.* Роговые посредники и отжимники в мезолите Волго-Окского междуречья // Краткие Сообщения Института Археологии. М.: Наука, 2012. Вып. 227. С. 6.

[14] Подобные предметы первоначально относились к разряду «фаллических». См.: *Крайнов Д.А.* Искусство в неолите-энеолите. Русская равнина, Центр // *Ошибкина С.В., Крайнов Д.А., Зимина М.П.* Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М.: Наука, 1992. С. 102–104, рис. 136–139.

[15] Находились на хранении в фондах ГБУ ИО «Ивановский государственный историко-краеведческий музей им. Д.Г. Бурылина».

[16] *Костылёва Е.Л., Трейо Ж. (Treuillot J), Уткин А.В.* Указ. соч.

бов хищника[17]. С тремя взрослыми индивидами из того же памятника никаких артефактов обнаружено не было.

Наличие украшений в детских захоронениях, как льяловцев, так и волосовцев, может говорить об особом отношении к детям, о стремлении защитить их от болезни и смерти с помощью разного рода амулетов, будь то зубы животных или янтарь.

Артефакты из кости и рога из захоронений и «святилищ» волосовской культуры

На Сахтыше IIа было обнаружено 53 могилы и два «святилища» волосовской культуры[18]. В 36 захоронениях были найдены украшения, игравшие, несомненно, роль не декора, а амулетов или маркеров статуса погребённых (табл. 1).

Таблица 1

Сахтыш IIа. Сочетание разных типов украшений в захоронениях ранне- и поздневолосовской культуры

Номер и половозрастная принадлежность погребений	Подвески из зубов					подвески из кости	янтарь	подвески из камня («с» – из серпентина)
	медведь	лось	хищники	бобр	сурок			
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Захоронения ранневолосовской культуры								
Женские								
46								2
64	1							
Мужские								
2	3						2	
3							4	
4							13	
9			1				2	
15							217	
28	1					5	110	
34	2							1
39							24	
44?							1	2
Детские								
17		1					3	
53							3	
Всего:	*7*	*1*	*1*			*5*		*3*

[17] *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Указ. соч. С. 15.

[18] В шести могилах были парные или ярусные захоронения (№ 7, 13, 32, 36, 37 и 50) и, таким образом, в 53 могилах содержались останки 59 человек.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Захоронения поздневолосовской культуры								
Женские								
7А								16с
13А		1		1				5+1с
19	3		1					2
23	2					кольцо – 1		
24	2		1	1	>40			12 с
25	1	1				1		1
27		1	1					1
37А	4					1		
37Б	2							
54	2							3
57	4	1				1		
58						антропоморфная фигурка –1		
66		3						
Мужские								
7Б	20		9					
13Б						7		
18							1	
36А						шайба – 1		
36Б		1						
56	3							1
62		1	1			1		
Подростковые								
26							2	
63	14		5			7		3
Неясной принадлежности								
21		1					1	1с
Всего:	*58*	*10*	*17*	*2*	*>40*	*21*	*4*	*46*

Среди волосовских захоронений выделяются ранние (19) и поздние (34). Обоснование их хронологии давалось неоднократно[19]. Часто в ранних, пре-

[19] *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Радиоуглеродная хронология нео-энеолитических погребений на стоянке Сахтыш-IIА // Вестник Ивановского государственного университета. 2009. Вып. 4. С. 28–37; *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Указ. соч. С. 46–48.

имущественно мужских, захоронениях присутствовали украшения из янтаря, а в поздних женских – украшения из серпентина. Именно эти виды украшений являются маркирующими хронологическими признаками. Наряду с ними в ряде захоронений были обнаружены также украшения из сланца, кости и зубов животных. Важным нам представляется выявление встречаемости в одних и тех же могилах украшений из разных материалов, а также сравнение украшений из ранних и поздних захоронений и выявление их хронологических и гендерных особенностей.

Таблица 2

Сахтыш IIа. Наличие украшений в ранневолосовских захоронениях

Номер погребения	Пол погребённого	Наличие украшений	Материал украшений			
			янтарь	камень	зубы животных	кости животных
1	М	*нет*				
2	М	есть	+		+	
3	М	есть	+			
4	М	есть	+			
5	М	*нет*				
6	М	*нет*				
9	М	есть	+		+	
10	Ж	*нет*				
14	М	*нет*				
15	М	есть	+			
17	Ребёнок	есть	+		+	
20	Ж?	*нет*				
28	М	есть	+		+	+
34	М	есть		+	+	
39	М	есть	+			
44	М?	есть?	+?	+?		
46	Ж	есть		+		
53	Ребёнок	есть	+			
64	Ж	есть			+	

Из девятнадцати ранневолосовских захоронений украшения были лишь в тринадцати (табл. 2). Ни в одном раннем захоронении с янтарём не были найдены украшения из камня[20]. А вот подвески из зубов животных сопровождали

[20] Исключение составляет полуразрушенное захоронение № 44, в квадрате залегания костей которого был найден обломок янтарной пуговицы и две подвески из серпентина. Скорее всего, эти украшения происходят из культурного слоя и никак не связаны с погребением. К тому же, серпентиновые украшения встречены были только в женских захоронениях поздневолосовского времени. Погребённый же относился к ранневолосовскому времени

янтарные украшения в четырёх мужских захоронениях (№ 2, 9, 28 и 34) и одном детском (№ 17) (табл. 1). В одном женском захоронении (№ 64) это был единственный вид украшений. Все прочие погребения с янтарём принадлежали мужчинам (№ 3, 4, 15, 39) и ребёнку (№ 53) и никаких других украшений не имели. Подвески из зубов немногочисленны – 9 экземпляров. Семь из них сделаны из зубов медведя (резцы, коренной зуб, обточенный клык), одна – из резца лося и одна из зуба какого-то хищника (рис. 4).

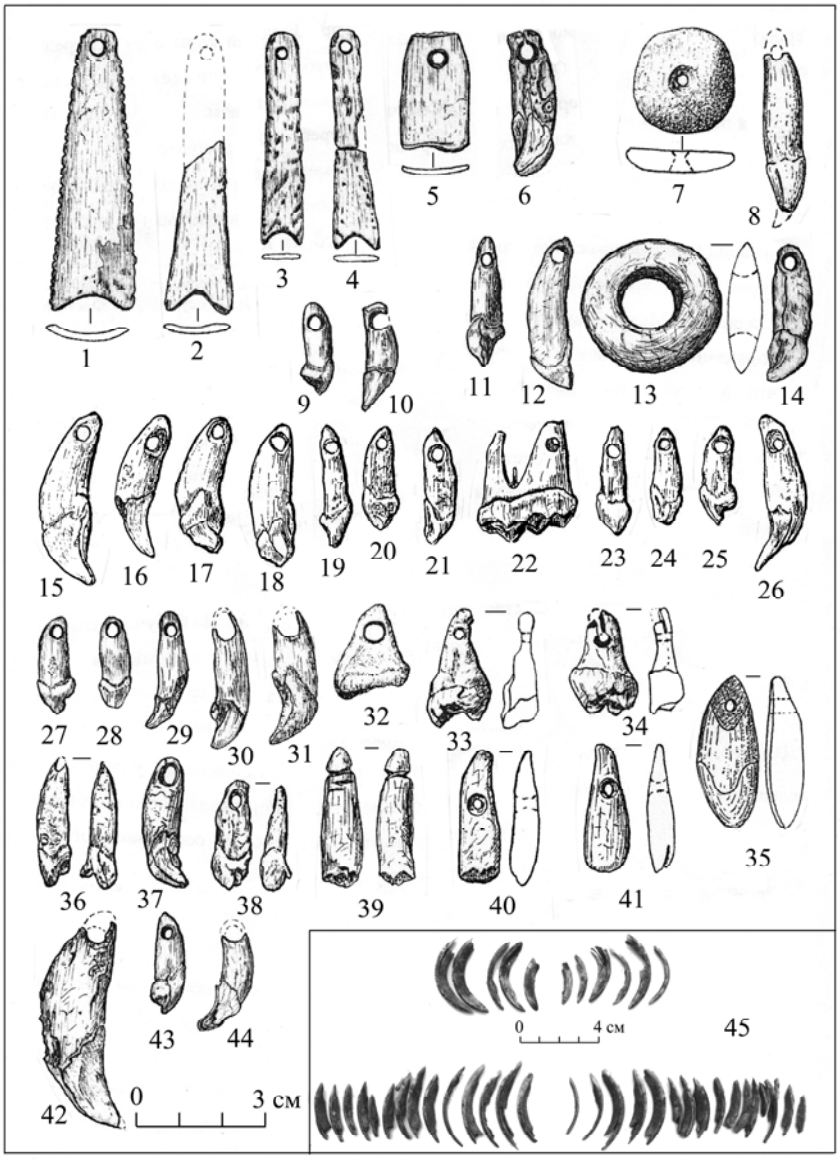

Рис. 4. Сахтыш IIа. Украшения из зубов и костей животных из захоронений волосовской культуры: 1–6 – № 28; 7 – № 36А; 8 – № 36Б; 9, 10 – № 27; 11 – № 21; 12–14 – № 23; 15–26 – № 7; 27–30 – № 19; 31, 32 – № 34; 33, 34 – № 54; 35 – № 64; 36–38 – № 56; 39–41 – № 66; 42–45 – № 24 (1–44 – рис. М.Н. Михайловой; 45 – фото А. Мацане)

и, согласно данным антропологов, был, скорее всего, мужчиной. См.: *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Указ. соч. Табл. 5. С. 52.

Подвески имеют просверленные отверстия для крепления или, редко, неглубокие выемки по бокам. Кроме того, в захоронении № 28 наряду с многочисленными пуговицами из янтаря (более 100 экземпляров) и упомянутой выше подвеской из зуба медведя было обнаружено и пять костяных подвесок. Они сделаны из тонких пластин. Четыре (одна из которых обломана со стороны отверстия) – узкие, удлинённые, с сильно вогнутым основанием. Аналогов среди украшений других захоронений не имеют. Пятая – подпрямоугольная, короткая с вогнутым основанием.

Из тридцати девяти поздневолосовских погребённых, без каких-либо украшений оказалось шестнадцать: шесть мужчин, шесть женщин, два ребёнка, один подросток и один – взрослый неясной половой принадлежности (табл. 3).

Таблица 3

Сахтыш IIа. Наличие украшений в поздневолосовских захоронениях

Номер погребения	Пол погребённого	Наличие украшений	Материал украшений			
			янтарь	камень	зубы животных	кости животных
1	2	3	4	5	6	7
А	Ж			+		
7Б	М				+	
13А	Ж			+	+	
13Б	М					+
18	М		+			
19	Ж			+	+	
21	?		+	+	+	
23	Ж				+	+
24	Ж			+	+	
25	Ж			+	+	+
26	Подросток		+			
27	Ж			+	+	
30	Подросток	нет				
31	Ж	нет				
32А	М	нет				
32Б	М	нет				
33	М	нет				
35	М	нет				
36А	М					+
36Б	М				+	
37А	Ж				+	+
37Б	Ж				+	
38	М	нет				
45	?	нет				

Продолжение табл. 3

1	2	3	4	5	6	7
46	Ж	нет				
47	Ж	нет				
48	Ж	нет				
49	Ж?	нет				
50	Ж	нет				
50	Ребёнок	нет				
51	Ребёнок	нет				
54	Ж			+	+	
56	М			+	+	
57	Ж				+	+
58	Ж					+ антропоморфная фигурка
62	М				+	+
63	Подросток			+	+	+
66	Ж				+	
67	М	нет				

Захоронения без украшений располагались достаточно компактно между «святилищами», некоторые из них были сильно разрушены (рис. 2). Нам пока трудно объяснить отсутствие в этой группе погребённых каких-либо украшений. Среди этих безинвентарных погребений было два ярусных 36А – 36Б (мужские) и 37А – 37Б (женские), в которых были найдены немногочисленные украшения. Не исключено, что они принадлежали нижним погребённым (36Б и 37Б), захороненным в более раннее время. Часть из них могла быть механически перемещена при совершении верхних захоронений.

Двадцать три захоронения – тринадцать женщин (68 % от общего числа женских захоронений), семь мужчин (54 % от общего числа мужских захоронений), два подростка и один взрослый индивид неясной половой принадлежности – сопровождались украшениями (табл. 3). Обращает на себя внимание тот факт, что женских погребений с украшениями, как в абсолютном выражении, так и в относительном, было больше, чем мужских. Это могло быть связано с тем, что женщины чаще прибегали к помощи различных амулетов, чувствуя свою бóльшую слабость перед жизненными перипетиями, нежели мужчины. Преобладающим видом украшений, как в мужских, так и в женских захоронениях, были подвески из зубов животных, среди которых на первом месте стояли зубы медведя (58 экземпляров). Больше всего их было в мужском погребении № 7Б (20 экземпляров) и подростковом – № 63 (26 экземпляров). В основном это были, как и в захоронениях ранневолосовского времени, резцы медве-

дя. Зубы прочих животных (лось, бобр, волк, лисица, собака) в качестве подвесок использовались реже (табл. 1). Такая диспропорция в видовом составе животных, зубы которых использовались в качестве амулетов, неслучайна. Именно в волосовской культуре широко распространяется культ медведя, нашедший самое разнообразное воплощение, в том числе в кремнёвых фигурках, изображавших стоящего на задних лапах медведя, в помещении медвежьих лап над ритуальными «кладами», а нижних челюстей медведя в захоронениях или рядом с ними[21]. Подвески из зубов медведя преобладали над прочими и в волосовском горизонте культурного слоя памятника. Все данные свидетельствуют, что это был тотемический культ.

Особняком стоят украшения из резцов сурка. Они были найдены в женском захоронении № 24 в количестве более 40 экземпляров[22] (рис. 4: 45). Украшения, видимо, крепились к подолу рубахи с помощью какого-то клеящего вещества, остатки которого имеются на многих из них. Сурок является обитателем степей и полустепей, и украшения из его зубов являются явно привнесёнными. Также привнесёнными были и найденные в этом захоронении в количестве 12 экземпляров подвески из серпентина, основные залежи которого находятся в Южном Приуралье. Серпентиновые подвески были обнаружены и в некоторых других женских захоронениях поздневолосовского времени (7А, 13А, 19). Скорее всего, появление женщин в одежде, украшенной резцами сурка и подвесками из серпентина, можно связать с инфильтрацией в пределы волосовской культуры Волго-Окского междуречья на заключительных этапах её развития определённой части населения из районов, расположенных к востоку от Сахтыша (Среднее Поволжье, Приуралье)[23]. Действительно, украшения из резцов сурка в отличие от серпентиновых подвесок не могли быть предметом импорта.

Украшения из кости (21 экземпляр) найдены в 9 захоронениях (№ 13Б, 23, 25, 36А, 37А, 57, 58, 62 и 63).

Среди них серийно представлены подвески. Больше всего их (по семь экземпляров) в погребениях № 13Б и 63. В № 25, 37А, 57 и 62 они единичны. Подвески разнообразны по форме: под-трапециевидные, под-треугольные, под-прямоугольные, под-овальные. Сделаны они из довольно тонких костяных пластин, иногда изогнутых (в разрезе), так как изготовлялись из расколотых трубчатых костей. У некоторых подвесок из погребений № 13Б, 25, 63 основание

[21] *Крайнов Д.А.* О религиозных представлениях племен волосовской культуры // Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988. С. 38–44.

[22] Единичные резцы сурка без обработки обнаружены также при расчистке соседних полуразрушенных погребений 21 и 26, куда они были перемещены, очевидно, грызунами с 24 костяка.

[23] *Костылёва Е.Л., Уткин А.В., Мацане А.* «Восточный след» в энеолитических захоронениях Сахтышских могильников // Тверской археологический сборник. Вып. 11. Тверь: Триада, 2018. С. 575.

слегка или сильно вогнутое. Это может быть хронологическим признаком: подвески с вогнутым основанием присутствовали в раннем «янтароносном» погребении № 28. Необходимо отметить, что захоронения 13Б и 25 были разрушены совершёнными позднее погребениями 13А и 24, которые содержали поздний тип украшений (подвески из серпентина). Костяные подвески с вогнутым основанием никогда не сопровождались подвесками из серпентина. Таким образом, погребения с костяными подвесками с вогнутым основанием могут занимать хронологическую нишу между ранними погребениями с янтарём и поздними – с серпентином.

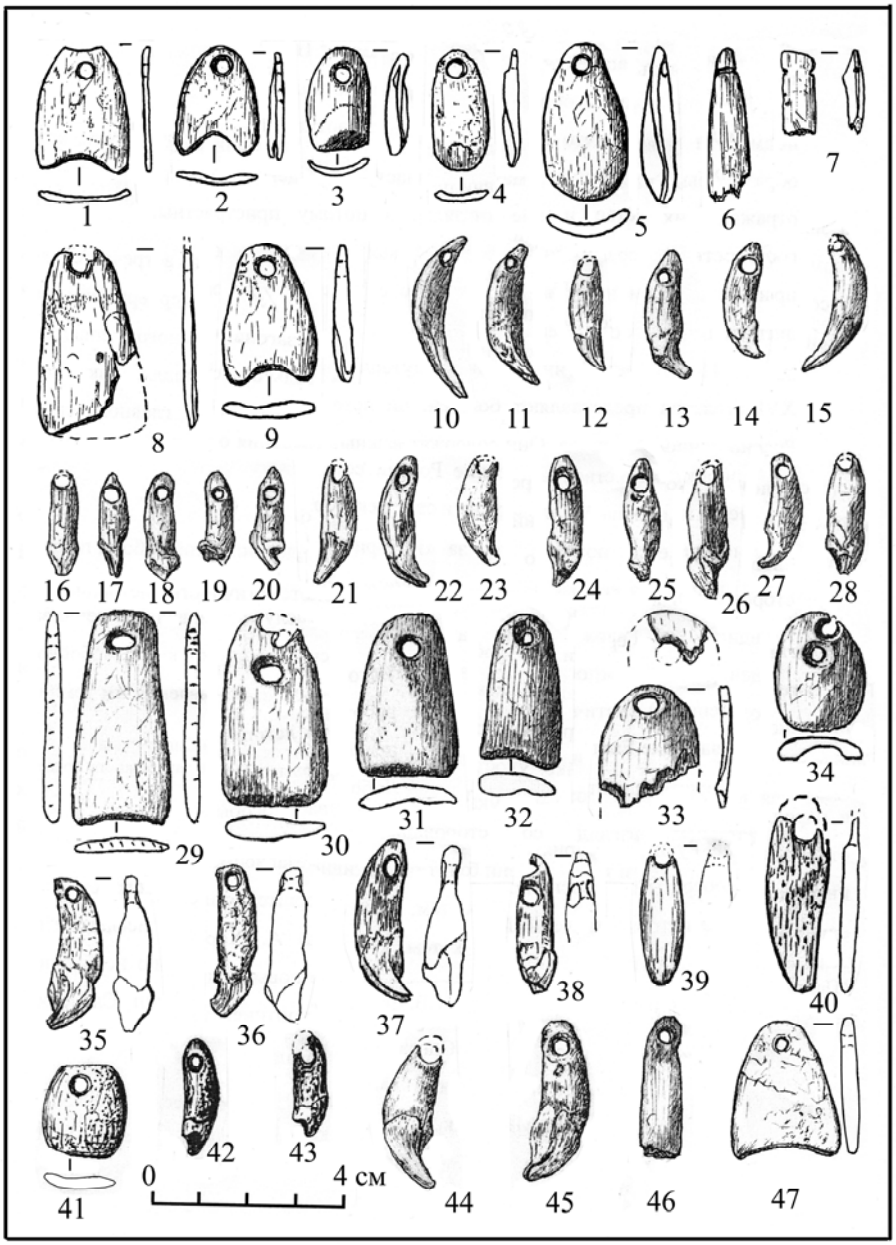

Рис. 5. Сахтыш IIа. Украшения из зубов и костей животных из захоронений волосовской культуры: 1–9 – № 13А; 10–34 – № 63; 35–40 – №57; 41–43 – № 37А; 44, 45 – № 37Б; 46, 47 – № 25 (рис. М.Н. Михайловой)

Кроме подвесок в составе украшений были обнаружены два штучных изделия: линзовидное в разрезе кольцо диаметром 30 см (погребение № 23) и небольшая плоско-выпуклая шайба с конической сверлиной в центре (погребение № 36А).

Уникальна подвеска в виде антропоморфной фигурки, изготовленной из тонкой (2 мм) пластины (рис. 6: 2). Она была обнаружена в женском захоронении № 58 в области шеи[24].

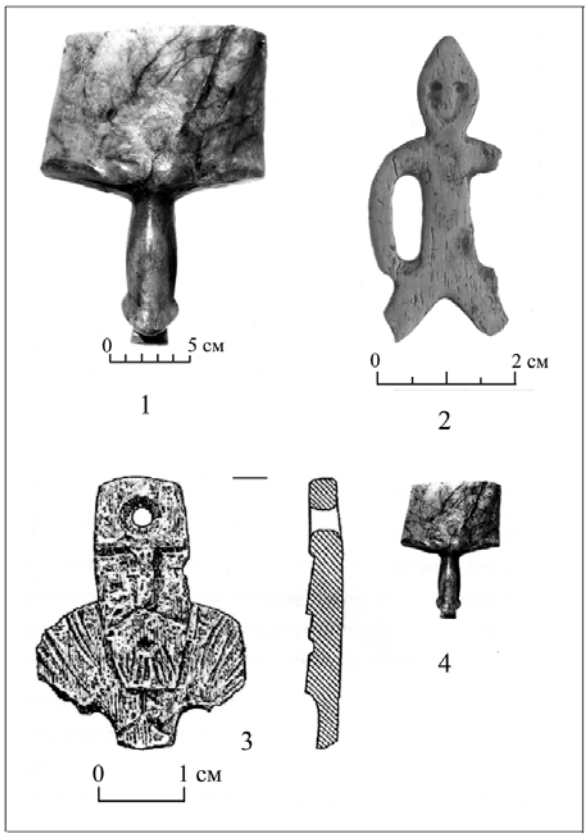

Рис. 6. Ритуальные предметы из кости и рога, связанные с культом предков: 1(4), 2 – Сахтыш IIа; 3 – Тамула (1(4) – фото Л.М. Нескверновой: 2 – фото Е.Л. Костылёвой; 3 – по: Янитс Л.Ю., 1954)

Эта единственная в своём роде скульптурка, найденная в Центре Русской равнины, на наш взгляд, была связана с культом мужского божества-предка. Находки таких фигурок, вырезанных из рога или кости, как целых, так и в обломках, известны в Эстонии (Тамула), Латвии (Абора I) и Псковской области

[24] *Крайнов Д.А., Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Волосовская антропоморфная фигурка со стоянки Сахтыш IIА // Российская археология. 1994. № 3. С. 103–105.

России (Усвяты)[25]. Образ этого божества достаточно каноничен: стоящий прямо мужчина, ноги разведены, руки вытянуты вдоль туловища на некотором расстоянии от него, кисти прижаты к бёдрам, лицо в разной степени проработано.

С культом этого мужского предка связана и обнаруженная в 1990 г. в первом волосовском «святилище» сенсационная находка: маска-личина, искусно вырезанная из цельного основания рога лося[26]. Она выполнена очень реалистично в натуральную величину (рис. 6:1). Аналогов ей неизвестно, однако не исключено, что они были в Восточной Прибалтике. Для этого стоит сравнить сахтышскую маску-личину с обломком одной из фигурок с Тамулы, от которой сохранилась лишь верхняя часть (рис. 6:3). Судя по обломку, фигурка была выполнена в том же самом каноне, что и прочие образы предка[27]. Особый интерес представляет оформление лица фигурки, на которое словно надета маска-личина, аналогичная маске из первого «святилища» могильника Сахтыш IIа: с высоким прямым лбом и длинным классической формы носом. Это сходство особенно хорошо видно, если сахтышскую маску уменьшить до размеров лица фигурки с Тамулы (рис. 6:4). Описывая лицо фигурки, Л.Ю. Янитс сделал следующее важное замечание: «Брови и нос обрисованы резким понижением находящейся между ними части лица, что создаёт впечатление, будто бы под бровями имеются и глаза»[28]. Такой же вертикальный срез, идущий ото лба к глазам и создающий впечатление «взгляда из глубины», имеется и у сахтышской маски. На лице фигурки с Тамулы прослеживается такая деталь, как идущие из-под носа вниз две косые линии. Вряд ли их можно трактовать как изображение усов. Скорее, это отражение способа крепления маски, сходного с сахтышским. На сахтышской маске кроме отверстий по бокам лобной части для крепления шнура имеется ещё пластинка с небольшим порожком на конце, расположенная под носом. Назначение её – удерживать шнур, препятствующий сползанию маски в сторону. Шнур должен был идти вниз – под уши – и завязываться в нижней части затылка. И, наконец, ещё одна примечательная деталь, которая сближает изображения с Сахтыша и с Тамулы. На лбу фигурки с Тамулы имеется просверленное отверстие. Ни на одной другой фигурке ничего подобного нет. И вряд ли оно было предназначено для подвешивания, как считал

[25] *Янитс Л.Ю.* Новые данные по неолиту Прибалтики // Советская археология. 1954. № XIX. С. 196. Рис. 23. *Лозе И.А.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига: Зинатне, 1979. С. 110. Рис. 76. С. 191. Табл. LI: 1, 5; *Loze I.* Akmens laikmets Lubāna klānos. Riga: Zinātne, 1979. lp. 55; *Микляев А.М.* Идол из Усвятского торфяника // Советская археология. 1967. № 4. С. 288. Рис. 1.

[26] *Крайнов Д.А., Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Могильник и «святилище» (1994); *Kostyleva E., Outkin A., Ramseyer D.* Указ. соч.

[27] *Янитс Л.Ю.* Указ соч. С. 196. Рис. 23:1.

[28] Там же. С. 196–197.

Л.Ю. Янитс[29]. Скульптурки могли носить как амулеты, пропуская крепление (ремешок, шнур) между руками и туловом. Это отверстие могло иметь какой-то сакральный смысл (вроде третьего глаза у индуистского божества Шивы). Сахтышская маска в момент её расчистки в «святилище» имела пробитое отверстие под-треугольной формы, расположенное ближе к середине лба, от которого шли две трещины. Сейчас невозможно сказать, была ли она повреждена во время совершения какого-то ритуала или нападения врагов, или раскололась, когда в ней пытались высверлить отверстие, как на лбу фигурки с Тамулы.

Таким образом, антропоморфная костяная скульптура из погребения № 58 и роговая маска-личина из первого «святилища» имеют аналогии за многие сотни километров к западу от Сахтыша в кругу поздненеолитических культур с пористой керамикой, откуда и пришли в район оз. Сахтыш «янтароносные» переселенцы.

Второе «святилище», судя по радиоуглеродной дате, полученной по углю со дна ямы, было сооружено около 4240±160 BP (ГИН-6787), т.е. оно относится к более позднему времени, чем первое. В нём не было каких-либо ярких артефактов, кроме костяной подвески в виде объёмной головки птицы. Подобные подвески – скульптурки головок птиц разнообразного видового состава – были широко представлены на сахтышских памятниках, в том числе в ритуальных кладах финала развития культуры[30].

Выводы

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что особый почвенный состав памятника Сахтыш IIа (осуглиненная или оторфованная супесь) обеспечивал сохранность изделий из органических материалов, прежде всего, кости и рога, которые отсутствовали на поселениях и могильниках, имевших иной (как правило, опесоченный) состав почвы.

Захоронения льяловской культуры отличает бедность погребального инвентаря. Из 15 могил, содержащих 17 костяков, он присутствовал лишь в четырёх, и был представлен преимущественно орудиями из кости. Это, скорее всего, связано со сложными условиями существования людей, когда все силы были направлены на жизнеобеспечение. У них не было свободного времени для изготовления специального погребального инвентаря, а оставшиеся от умершего человека вещи должны были продолжать служить живым. Кроме того, жизнь людей в ту пору была очень недолгой: примерно треть погребённых – дети от 1 года до 5 лет и треть – взрослые в возрасте 20–25 лет (по шесть человек соответственно). Они не успевали накопить ничего лишнего, имели только необходимое. Бедность людей породила и скудость погребального инвентаря, и вряд ли это обстоятельство было связано с какими-то религиозными установлениями.

[29] Там же. С. 196.

[30] *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Указ. соч. С. 96. Рис. 32:6.

Совсем иная ситуация прослеживается в волосовской культуре. «Волосовцы» никогда не клали в могильные ямы производственный инвентарь, а вот разного рода украшения и амулеты обнаружены более чем в половине, как ранневолосовских, так и поздневолосовских захоронений. Среди ранневолосовских захоронений преобладали мужские, сопровождавшиеся янтарными украшениями, чрезвычайно редки были подвески из зубов или кости. А в поздневолосовских захоронениях преобладающим типом украшений были подвески из зубов, преимущественно медвежьих. Это, несомненно, было связано с тотемическим культом медведя-предка, широко распространившимся в поздневолосовской культуре. Не исключено, что поиски истоков этого культа могут увести нас на восток. С культом мужского предка связаны находки костяной антропоморфной фигурки в погребении и роговой маски-личины в «святилище», анализ изображений которых позволяет говорить о западных, прежде всего, – восточно-прибалтийских аналогиях.

Introduction

The unique complex of 15 archaeological sites located by the riverhead of the river Koika (Kiyka) which flows from palaeolake Sakhtysh in Ivanovo Region was covered in more than 90 scientific works published both in Russia and abroad (France, Finland, Slovenia, the USA). Most of them were published in Russia in the form of research articles and joint monographs[1]. Some materials form the sites Sakhtysh-I, Sakhtysh-IIa and Sakhtysh-VIII were published abroad[2]. However, it should be pointed out that hardly any general research has been published summariz-

[1] We omit references to them which would take up too much space.

[2] A. Utkin, “Waterfowl representations on ceramics from Sakhtysh I and VIII”, *Fennoscandia Archaeologica,* vol. VI (1989): 99–100; E. Kostyleva, A. Outkin, and D. Ramseyer, “Fiche masque sur bois d'élan”, in *Industrie de l’os préhistorique. Cahier IX. Objets méconnus* (Paris: Société Préhistorique Française, 2001), 85–89; S. Hartz, E. Kostyleva, H. Piezonka, T. Terberger, N. Tsydenova, and M. Zhilin, “Hunter-gatherer pottery and charred residue dating: New results on early ceramics in the north Eurasian forest zone”, *Radiocarbon*, vol. 54. no. 3–4 (2012): 1033–1048; H. Piezonka, E. Kostyleva, M. Zhilin, M. Dobrovolskaya, and T. Terberger, “Flesh or fish? First results of archaeometric research of prehistoric burials from Sakhtysh IIa, Upper Volga region, Russia”, *Documenta Praehistorica*, vol. XL (2013): 57–73; H. Piezonka, J. Meadows, S. Hartz, E. Kostyleva, N. Nedomolkina, M. Ivanishcheva, et al., “Stone Age pottery chronology in the northeast European forest zone: New AMS and EA-IRMS results in foodcrusts”, *Radiocarbon*, no. 58(2) (2016): 267–89; E. Dolbunova, E. Kostyleva, M. Kulkova, J. Meadows, A. Mazurkevich, and O. Lozovskaya, “Chronology of Early Neolithic materials from Sakhtysh IIa (Central Russia)”, *Documenta Praehistorica*, XLIV (2017): 176–91.

ing both separate sites and the complex as a whole. The only materials published in full are those of Sakhtysh burial grounds represented by a hundred and a half burials at Sahktysh I, IIa, VII and VIII[3].

Starting from 1962, the sites and burials of Sakhtysh micro-region were explored for more than 40 years by the Upper Volga expedition of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR (RAS) under the guidance of D.A. Krajnov and later – of M.G. Zhilin. The chronological range of the materials obtained while excavating the sites covers the periods form the early Mesolithic to the Middle Ages.

Excavations of the largest scale were carried out at Sakhtysh I, II, IIa, VIII and XIV. The information about the results of the work was presented on regular basis in the annual "Archaeological Discoveries" and in separate publications. The materials of the burial ground Sakhtysh-IIa were most fully documented and studied in terms of archaeology, anthropology and chronology[4].

In the present article we will consider the artifacts made of organic materials which were found in the burials of the site and "shrines" of Sakhtysh-IIa. The choice of the subject of the research was not random. It was determined by the fact that not all archaeological sites where the remains of the burials are found preserve organic matter (bone remains of the buried, tools, ornaments, ritual objects made of bone, antler and wood). This circumstance leaves open the possibility of incorrect or inaccurate interpretation of the materials. Thus, for example, the presence of amber in one of the graves at Vashutino site (Yaroslavl region) gave rise to the assumption that it was a female burial due to the conventional notion that those who decorated themselves with amber were women[5]. However, owing to the good condition of the skeletons in the graves of Sakhtysh-IIa burial ground, after anthropological determination it was possible to establish that amber adornments were present only in the graves of men[6]. Therefore, burials with amber where the bones of the buried were lost or for some reasons it was impossible to define the age and the sex of the buried can be associated with the burials of men or boys. At least, this assumption can be correct for the burials at the sites in the center of the Russian Plane. Here, the beginning of the "amber" burials was connected with the arrival of separate groups of people (predominantly men?) from the eastern Baltics in the early Volosovo period. However, it

[3] E.L. Kostyleva, and A.V. Utkin, *The Neolithic and Aeneolithic burials of the Upper Volga Region and the Volga-Oka Interfluve: Planigraphic and Chronological Structures* (Moscow: TAUS, 2010).

[4] D.A. Krainov, E.L. Kostyleva, A.V. Utkin, "Burials and Ritual Complexes at the Site Sakhtysh-IIa", *Archaeological News*, no. 2 (1993): 20–30; D.A. Krainov, E.L. Kostyleva, and A.V. Utkin, "A Cemetery and a 'Shrine' on the Site Sakhtysh IIA", *Russian arhaeology*, no. 2 (1994): 118–130; T.I. Alekseeva, R.Ya. Denisova, M.V. Kozlovskaya, E.L. Kostyleva, D.A. Krainov, G.V. Lebedinskaya, et. al. *The Neolithic of East European forest zone: Anthropology of Sakhtysh Sites* (Moscow: Nauchnyi mir, 1997).

[5] O.S. Gadzyatskaya, and A.V. Utkin. "New Diggings at the Vashutino Camp", *Soviet arhaeology*, no. 1 (1989): 129; A. Utkin, "Graves of the Volosovo culture at the Vashutino site in Central Russia", *Fennoscandia Archaeologica*, vol. X (1993): 51–57.

[6] E.L. Kostyleva, and A.V. Utkin, *The Neolithic and Aeneolithic burials*, 43–45.

should be noted that, despite being very seldom, amber ornaments are present in female graves of the late Neolithic in the eastern Baltics, specifically, at Zvejnieki burial ground[7]. Along with amber, ornaments of animal teeth and bone were also found in a number of graves at Sakhtysh-IIs. This fact allows us to compare them with the similar ornaments originating from female graves without amber in order to specify their cultural and chronological attribution.

Multilayer and multifunctional site Sakhtysh-IIa, discovered in 1986 by D.A. Krainov and E.L. Kostyleva, was explored by two excavations from 1987 till 2015 (interruptedly)[8] (fig. 1).

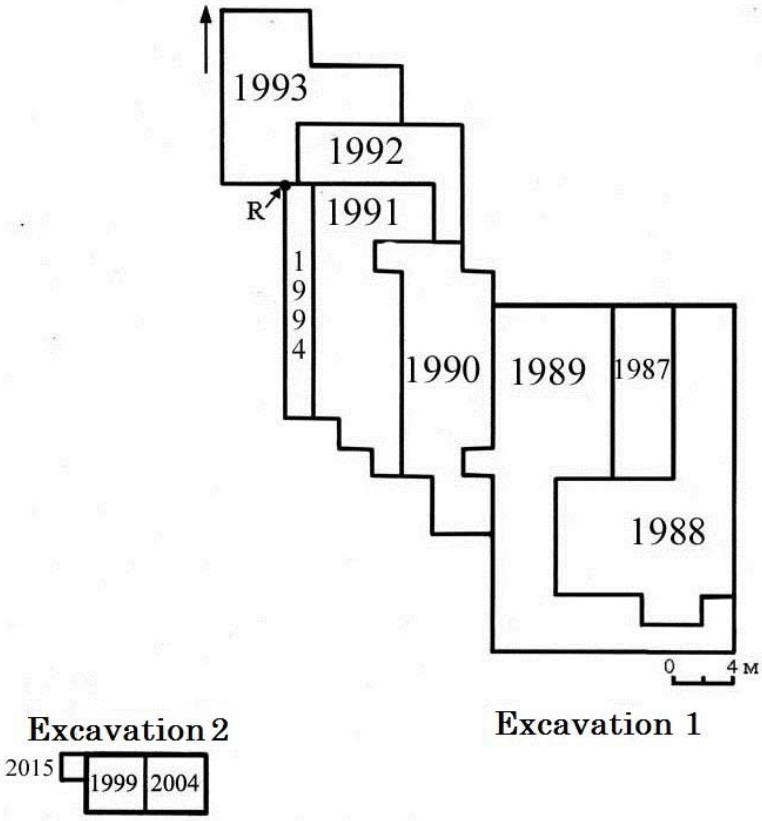

Figure 1. Archaeological site Sakhtysh-IIa excavation plan
(drawing by E.L. Kostyleva)

The total Excavated area equals almost to 800 square meters. Excavation 1 was located on the left bank of the Koika river, not far from the lake-like extension formed by the rivulet flowing into the river. The thickness of cultural layers is comparatively small and makes 50–60 cm. 67 graves with 72 Neolithic-Aeneolithic buri-

[7] F. Zagorskis, *Zvejnieku akmens laikmeta kapulauks* (Rīga: Zinātne, 1987), 110; L. Larsson, L.N. Stutz, I. Zagorska, V. Bērziņš, and A. Ceriņa, "New Aspects of the Mesolithic-Neolithic Cemeteries and Settlement at Zvejnieki, Northern Latvia", *Acta Archaeologica*, vol. 1 (2017): 71–75.

[8] E.L. Kostyleva, and A.V. Utkin, "The history and results of exploring settlement and burial ground Sakhtysh IIa", *Samarskii nauchnyi vestnik*, no. 4(9) (2014): 61–64.

als dating from the Lialovo and Volosovo cultures (4th–3rd millennia BC in traditional chronology) were examined (fig. 2).

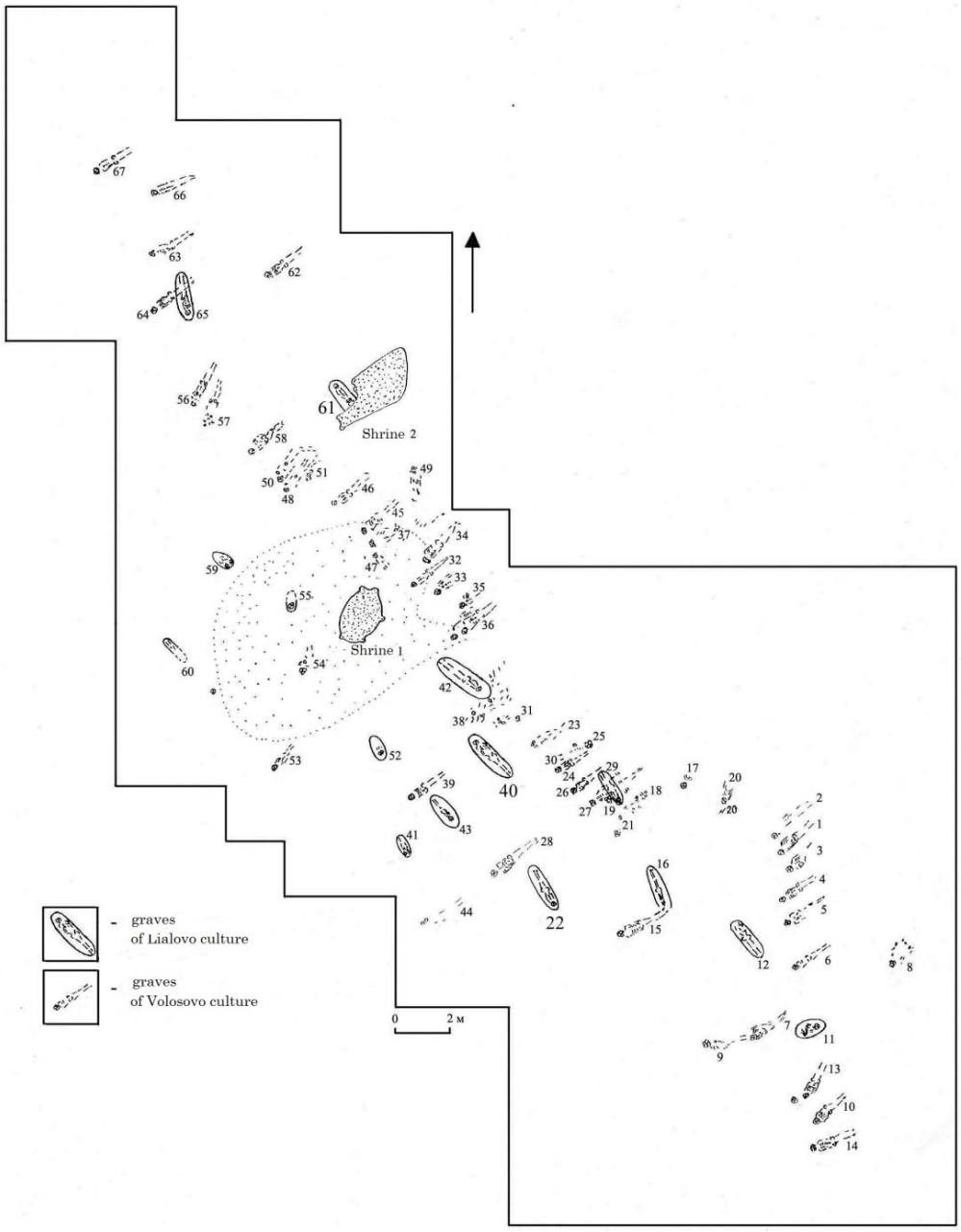

Figure 2. Burial ground Sakhtysh-IIa. Excavation plan
for excavation 1*(drawing by E.L. Kostyleva and A.V. Utkin)*

Excavation 2 was located in the peaty section at the mouth of the rivulet flowing into the Koika river. The cultural remains mostly represented by the artifacts from the Mesolithic, the early and middle Neolithic were contained by the 2-meter thick strata and had quite distinct stratigraphic segmentation. The population of this section of the site was engaged in fishing, which the finds of various fishing tools reflected.

The character of the lithological layers (peat, sapropel, peaty clay sand and loam) allows preservation of the objects made of organic materials: in the upland section of the site (excavation1) they are represented by the articles made of bone and antler and in the peaty section (excavation2) they also include wooden objects connected with fishing (basket traps, poles).

Of particular interest are the artifacts from the burials of the Lialovo and Volosovo cultures and Volosovo "shrines". The burial inventory from the graves of the Lialovo culture is mostly represented by bone instruments and in the graves of the Volosovo culture it includes ornaments made of amber, bone, stone and animal teeth.

Main Body

Artifacts made of bone and antler from the graves of Lialovo culture

In total, 15 graves dating from the Lialovo culture were found at Sakhtysh-IIa (fig. 2)[9]. Three of them (no. 22, 46, 61) contained articles made of bone10 (fig. 3)[10].

They were located next to the skeletons in a definite order and were evidently connected with the buried and had not get into the burial pits from the cultural layer when the pits were filled up[11].

A wide dagger, a narrow knife with a shaped pommel, and a pendant from elk incisor with a groove for tying[12] (fig. 3: 5–8) were found in young woman's grave (no. 22). A piercing tool, a wide knife and a long antler rod of unclear purpose (fig. 3: 1–3) were attributed to the grave of a young woman with an infant (no. 61). Male grave no. 40 contained a short awl from elk metapod (fig. 3: 4). The position of the tools on the skeletons is of particular interest. The awl was 8–10 cm away from the left humeral bone of the man (grave no. 40). The piercing tool was found immediately on the right humerus of the woman (grave no. 61). Probably, in both cases the sharp and quite long objects served as pins holding together the animal skins which the dead had been wrapped in before the burial.

[9] Two of them were double and thus in total they contained 17 skeletons.

[10] Besides, an embryo-like figurine was found under the cervical vertebrae in the female grave no. 65. The other eleven graves contained no inventory.

[11] The only exception is the notched point fond in the grave no. 22. Attributing it to the burial under consideration is doubtful. See Kostyleva, E.L., J. Treuillot, and A.V. Utkin. "Bone inventory of Lyalovo culture Cemetery burials Sahtysh IIa (Based on IvSU museum of archeology funds)", *Ivanovo State University Bulletin. Series "The Humanities"*, iss. 4 (15) (2015): 54–55.

[12] The pendant was found under the lower section of the legs while clearing the skeleton. It might have been brought into the grave with the filling earth or removed by rodents from the upper body.

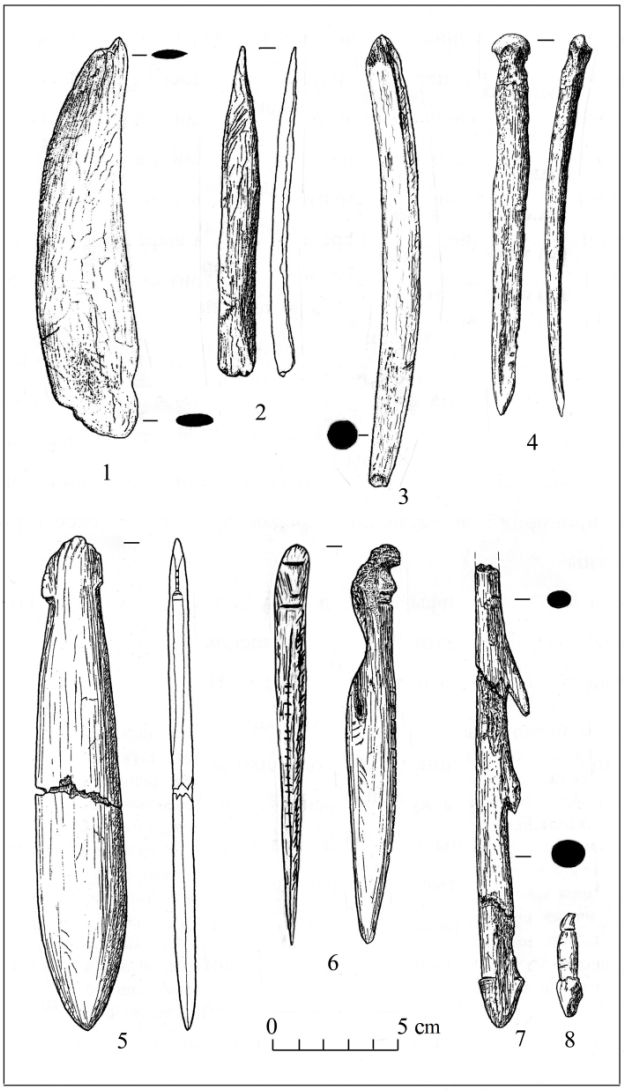

Figure 3. Burial ground Sakhtysh-IIa. Bone inventory from the graves of Lialovo culture: 1–3 – no. 61; 4 – no. 40; 5–8 – no. 22 (drawing by M.N. Mikhailova processed by E.L. Kostyleva)

The dagger and the knife from the grave no. 22 must have served hunting purposes. The dagger was located on the back of the right femoral bone and might have been placed into a leather sheath. It could be easily reached with the right hand if necessary. The narrow knife was located on the inside of the left tibia and might have served as a "spare" knife. Holding the dagger in her right hand, the huntress could take the knife from the boot and thus act with both hands.

The knife form the grave no. 61 placed by the head of the woman had a different shape: it was wide and crescent-like. Judging by the remains of a resin-like substance at the point of the knife, it was inserted into some kind of handle, most likely, made of wood. The knife was certainly intended for cleaning and cutting fish. The mentioned above antler rod of indistinct purpose that was also located by the head is unique. It is 19 cm long, circular in cross-section and worn out at the tip. It might

have been an antler pressure flaking tool or an insertion into the handle of a retoucher. Antler flaking tools were in use since the Mesolithic but they became most common in the Volosovo culture. According to M.G. Zhilin, such flaking tools were in common use in the Northern hemisphere from the Stone Age till the Ethnographic present and were used with various handles[13].

In 1981, an antler rod similar to that from the grave no. 61 but smaller in size and the only one of its kind wooden handle for it[14] were found among other objects from the ritual hoard at the site Ivanovskoye-III (Yaroslavl region). The grave no. 61 might have contained a similar wooden object which was not preserved because of the soil conditions. Unfortunately, trace examination of the instruments was not carried out. The articles from the grave no. 61 were lost while in museum storage and were not available for further examination[15]. The tools from the graves no. 22 and no. 40 were examined for the technique of making them[16].

The absence of any ornaments in Lialovo graves at Sakhtysh-IIa, except for the mentioned above pendant from the grave no. 22, is quite difficult to explain taking into account the fact that six predator teeth pendants were found with the skeleton of a 1–3-year-old Lialovo child (grave no. 21) at the neighbouring site Sakhtysh-II[17]. However, no artifacts were found with the three adult individuals from that same site.

The presence of ornaments in child graves of both Lialovo and Volosovo may suggest special attitude towards children and desire to protect them from illness and death by means of amulets of different kinds such as animal teeth or amber.

Artifacts made of bone and antler from the graves and "shrines" of Volosovo culture

53 graves and two "shrines" of Volosovo culture were found at Sakhtysh-IIa[18]. 36 graves contained ornaments which, undoubtedly, were not decorative but served as amulets or marked the status of the buried.

---

[13] Zhilin M.G. "Antler mediators and pressure flaking tools in the Mesolithic of the Volga–Oka interfluve". In *Kratkie Soobshcheniya Instituta Arheologii* (Moscow: Nauka, 2012. Vyp. 227), 6.

[14] Initially, such objects were considered as "phallic". See D.A. Krainov, "The art of the Neolithic-Eneolithic. The Russian Plane, Centre", in S.V. Oshibkina, D.A. Krainov, M.P. Zimina *The art of the Stone Age (Forest Zone of Easten Europe)* (Moscow: Nauka, 1992), 102–104, fig. 136–139.

[15] They were kept in repositories of 'the Ivanovo State museum of history and study of local lore in honour of D.G. Burylin'.

[16] Kostyleva, E.L., J. Treuillot, and A.V. Utkin. Bone inventory of Lyalovo culture Cemetery burials Sakhtysh IIa (Based on IvSU museum of archeology funds), 49–57.

[17] E.L. Kostyleva, and A.V. Utkin, *The Neolithic and Aeneolithic burials*, 15.

[18] Six graves contained double or tier burials (no. 7, 13, 32, 36, 37 and 50) so 53 graves contained 53 sets of human remains.

Table 1

Sakhtysh-IIa. The combination of the ornaments of different types in the burials of the early and the late Volosovo culture

No., gender and age of the graves	Animal teeth pendants					Bone pendants	amber	Stone pendants (“s” – serpentine)
	bear	elk	predators	beaver	marmot			
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Burials of the early Volosovo culture								
Female								
46								2
64	1							
Male								
2	3						2	
3							4	
4							13	
9			1				2	
15							217	
28	1					5	110	
34	2							1
39							24	
44?							1	2
Child								
17		1					3	
53							3	
Total	*7*	*1*	*1*			*5*		*3*
Burials of the late Volosovo culture								
Female								
7A								16s
13A		1		1				5+1s
19	3		1					2
23	2					ring-1		
24	2		1	1	>40			12s
25	1	1				1		1
27		1	1					1
37A	4					1		
37Б	2							
54	2							3
57	4	1				1		
58						anthropomorphous figurine – 1		
66		3						

Continuation of the table 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Male								
7Б	20		9					
13Б						7		
18							1	
36А						disk-1		
36Б		1						
56	3							1
62		1	1			1		
Teenageer								
26							2	
63	14		5			7		3
Unidentified								
21		1					1	1c
Total	*58*	*10*	*17*	*2*	*>40*	*21*	*4*	*46*

Volosovo burials can be subdivided into early (19) and late (20). Their chronology has been substantiated more than once[19]. Amber ornaments were frequent in the early, predominantly male, burials while serpentine ornaments occurred in the late female graves. It is these types of ornaments that constitute the chronological attributes. Along with them, a number of graves contained ornaments made of shale and animal bone and teeth. We consider it important to identify the frequency of occurrence of ornaments made of different materials in the same graves, to compare the ornaments from early and late graves, and to reveal their chronological and gender features.

[19] E.L. Kostyleva, and A.V. Utkin, "The C-14 Chronology of Neolithic and Aeneolithic Burials on the Sakhtysh IIA site", *Ivanovo State University Bulletin. Series "The Humanities"*, iss. 4 (2009): 28–37; E.L. Kostyleva, and A.V. Utkin, *The Neolithic and Aeneolithic burials*, 46–48.

Table 2

Sakhtysh-IIa. The ornaments in the early Volosovo burials

Grave no.	Gender of the buried	Ornaments found	Material of the ornaments			
			amber	stone	animal teeth	animal bone
1	M	*no*				
2	M	yes	+		+	
3	M	yes	+			
4	M	yes	+			
5	M	*no*				
6	M	*no*				
9	M	yes	+		+	
10	F	*no*				
14	M	*no*				
15	M	yes	+			
17	Child	yes	+		+	
20	F?	*no*				
28	M	yes	+		+	+
34	M	yes		+	+	
39	M	yes	+			
44	M?	yes?	+?	+?		
46	F	yes		+		
53	Child	yes	+			
64	F	yes			+	

Ornaments were found only in 13 of the 19 early Volosovo graves.

None of the early burials with amber contained stone ornaments[20]. Animal teeth pendants accompanied amber ornaments in four male graves (no. 2, 9, 28 and 34) and one child grave (no. 17) (table 1). In one female grave (no. 64) it was the only type of ornaments. The other burials with amber belonged to men (no. 3, 4, 15, 39) and a child (no. 53) and contained on other ornaments. Animal teeth pendants are not numerous – 9 pieces only. Seven of them were made of bear teeth (incisors, a molar, a ground down canine), one of elk incisor and one of a predator's tooth (fig. 4).

[20] The only exception is the partially destroyed grave no. 44 where a fragment of amber button and two serpentine pendants were found with the bones. The ornaments are likely to have originated from the cultural layer and have no connection with the burial. Moreover, serpentine ornaments occurred only in the female burials of the late Volosovo period. The buried, however, dates back to the early Volosovo period and according to the data of anthropologists was a male. See Table 5 in E.L. Kostyleva, and A.V. Utkin, *The Neolithic and Aeneolithic burials*, 52.

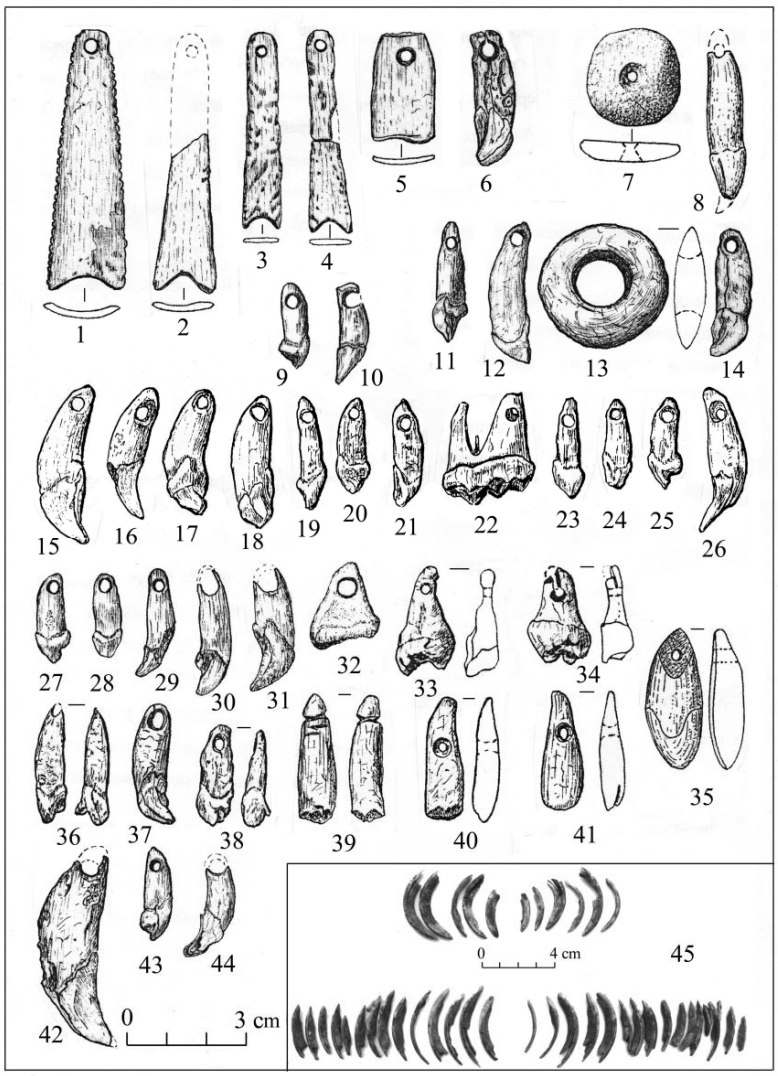

Figure 4. Sakhtysh-IIa. The ornaments made of animal tooth and bone from the burials of Volosovo culture: 1–6 – no. 28; 7 – no. 36A; 8 – no. 36Б; 9, 10 – no. 27; 11 – no. 21; 12–14 – no. 23; 15–26 – no. 7; 27–30 – no. 19; 31, 32 – no. 34; 33, 34 – no. 54; 35 – no. 64; 36–38 – no. 56; 39–41 – no. 66; 42–45 – no. 24 (1–44 – drawings by M.N. Mikhailova; 45 – photo by A. Macane)

The pendants have drilled holes for fastening or, rarely, shallow grooves on the sides. Besides, along with numerous amber buttons (more than 100 pieces) and the above mentioned bear tooth pendant, five bone pendants were found in the grave no. 28. They were made of thin plates. Four plates, one of which is broken at the side of the hole, are narrow and elongated and have concave bases. They have no counterparts among the decorations from the other graves. The fifth plate is sub-rectangular and short and has a concave base.

16 of the 39 buried of the late Volosovo period, had no ornaments: six men, six women, two children, one teenager and one adult of unidentified gender (table 3).

Table 3

Sarktysh-IIa. The ornaments in the late Volosovo burials

Grave no.	Gender of the buried	Ornaments found	Material of the ornaments			
			amber	stone	animal teeth	animal bone
7A	F			+		
7Б	M				+	
13A	F			+	+	
13Б	M					+
18	M		+			
19	F			+	+	
21	?		+	+	+	
23	F				+	+
24	F			+	+	
25	F			+	+	+
26	Teenager		+			
27	F			+	+	
30	Teenager	no				
31	F	no				
32A	M	no				
32Б	M	no				
33	M	no				
35	M	no				
36A	M					+
36Б	M				+	
37A	F				+	+
37Б	F				+	
38	M	no				
45	?	no				
46	F	no				
47	F	no				
48	F	no				
49	F?	no				
50	F	no				
50	Child	no				
51	Child	no				
54	F			+	+	
56	M			+	+	
57	F				+	+
58	F					+ anthropomorphous figurine
62	M				+	+
63	Teenager			+	+	+
66	F				+	
67	M	no				

The graves which contained no ornaments were located quite densely between the "shrines", some of them being severely damaged (fig. 2). We find it difficult to account for the absence of any ornaments in this group of the buried. Among these graves which contained no inventory there were two tier burials 36A–36B (male) and 37A–37B (female) where several ornaments were found. They might have belonged to the deceased in the lower tier (36B and 37B) which were buried earlier. Some of them might have been replaced when the burials of the upper tier were made.

23 burials including thirteen women (68 % of the total number of the female burials), seven men (54 % of the total number of the male burials), two teenagers and one adult of unidentified gender were accompanied with ornaments (table 3). It is noteworthy that, expressed both absolutely and relatively, the number of the female burials with the ornaments is greater than that of the male burials. It could be connected with the fact that women felt weaker in resisting the challenges of life and resorted to the help of various amulets more often than men did. The dominating kind of the ornaments both in male and in female graves were animal teeth pendants, of which bear teeth were most numerous (58 pieces). Most of them were found in the male grave no. 7B (20 pieces) and the teenager grave no. 63 (26 pieces). Same as in the early Volosovo burials, they were bear incisors. Teeth of other animals (elk, beaver, wolf, fox, dog) were used as pendants more seldom (table 1). Such disproportion in the species of the animals whose teeth were used as amulets is not casual. It was Volosovo culture that was characterized by the widely spread bear worship which was expressed in various forms including flint figurines of bears rearing, placing bear paws above the ritual hoards and putting bear mandibles into or next to the graves[21]. Bear teeth pendants prevailed over the others in the Volosovo horizon of the cultural layer at the site. All the evidence suggests that it was a totemic cult.

The ornaments made of marmot incisors constitute a separate group. More than 40 pieces were found in the female grave no. 24[22] (fig. 4: 45). Apparently, the ornaments were fastened to the hem of a shirt by means of an adhesive substance the remains of which many of them contain. The marmot is found in the steppe and in the forest-steppe and the ornaments of marmot teeth were obviously foreign. Likewise, foreign were the 12 serpentine pendants from the same grave as most serpentine deposits occur in the foothills of the Southern Urals. Serpentine pendants were also found in some other late Volosovo female graves (7A, 13A, 19). Most likely, the presence of women wearing clothes decorated with marmot incisors and serpentine pendants was connected with the infiltration of a part of the population from the areas to the east of Sakhtysh (Middle Volga region, the foothills of the Urals) into the terri-

[21] Krainov, D.A. "On religious views of the tribes of Volosovo culture", in *The antiquities of the Slavs and Rus* (Moscow: Nauka, 1988), 38–44.

[22] Single unprocessed marmot incisors were found during the clearing of graves 21 and 26 where they must have been moved by rodents from the skeleton 24.

tory of the Volosovo culture in the Volga-Oka interfluve[23]. Indeed, unlike serpentine pendants, the ornaments made of marmot incisors could not have been an article of importation.

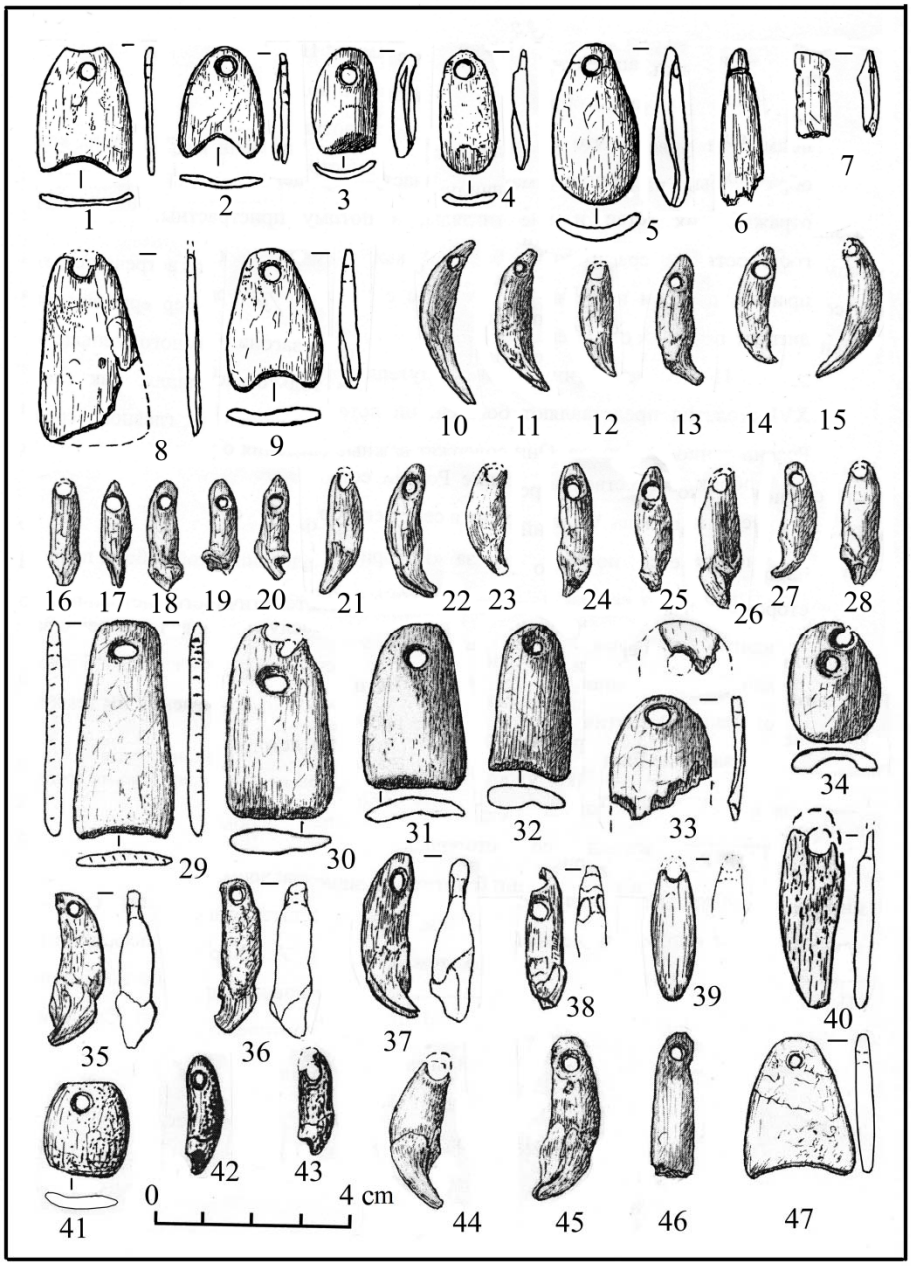

Figure 5. Sakhtysk-IIa. The ornaments made of animal teeth and bone from the burials of Volosovo culture: 1–9 – no. 13A; 10–34 – no. 63; 35–40 – no. 57; 41–43 – no. 37A; 44, 45 – no. 37Б; 46, 47 – no. 25 (drawing by M.N. Mikhailova)

Bone ornaments (21 pieces) were found in 9 graves (no. 13B, 23, 25, 36A, 37A, 57, 58, 62 and 63). Among them pendants are represented in series. Most of them

[23] E.L. Kostyleva, A.V. Utkin, and A. Macane. "Oriental trace' in aeneolithic graves at Sakhtysh burial grounds", *Tver archaelogical collection*, iss. 11 (2018): 575.

(seven pieces each) were found in the graves no. 13B and 63. In the graves no. 25, 37A, 57 and 62 they were single. The pendants vary in shape: sub-trapeziform, sub-triangular, sub-rectangular, sub-oval. They were made of thin bone plates, sometimes curved (in cross-section) because they were produced from split tubular bones. Some of the pendants from the graves no. 13B, 25, 63 have slightly or deeply concave base. It can be a chronological attribute: the pendants with concave base were present in the earlier "amber-bearing" grave no. 28. In addition to that, it is necessary to point out that the graves no. 13B and no. 25 were destroyed by the later burials no. 13A and 24 which contained such later type of ornaments as serpentine pendants. Bone pendants with concave bases were never accompanied with serpentine pendants. Thus, the burials with bone pendants with concave bases may occupy the chronological niche between the earlier burials with amber and the later burials with serpentine.

Besides pendants, the inventory of the ornaments included two single-piece articles: a lenticular in section ring 30 cm in diameter (grave no. 23) and a small plano-convex disk with a drill hole in the center (grave no. 36A).

The pendant in the form of anthropomorphous figurine (fig. 6: *2*) made from a thin plate (2 mm) is unique. It was found in the grave no. 58 near the neck[24].

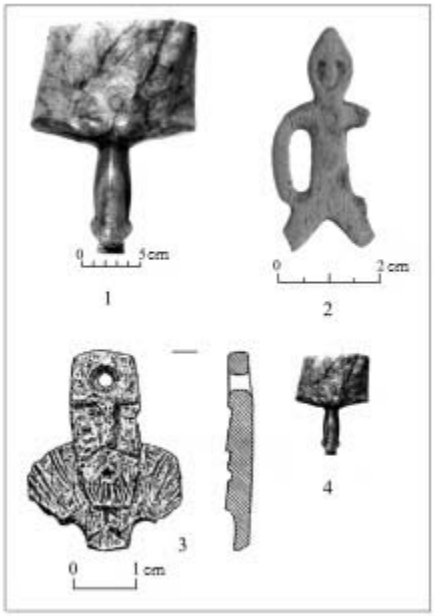

Figure 6. Ritual objects made of bone and antler relating to ancestor worship: 1(4), 2 – Sakhtysh-IIa; 3 – Tamula (1(4) – photo by L.M. Neskvernova: 2 – photo by E.L. Kostyleva; 3 – in L.Yu. Yanits, 1954)

[24] D.A. Krainov, E.L. Kostyleva, and A.V. Utkin, "Voloso culture antropomorphous figurine from Sakhtysh IIA site", *Russian archaeology*, no. 3. (1994): 103–105.

We believe that the only one of its kind figurine found in the center of the Russian Plain was connected with the worship of male ancestor deity. Such figurines, both whole and in fragments, carved from antler or bone, are known to have been found in Estonia (Tamula), Latvia (Abora-I) and Pskov Region of Russia (Usvyaty)[25]. The image of the deity is canonical. It is a man standing upright with his legs set apart, arms stretched along the body at some distance from it, hands pressed against the hips, face more or less accomplished.

The sensational find discovered in the first Volosovo "shrine" in 1990 is connected with the worship of the male ancestor. It was a face mask skillfully carved from the whole elk antler base[26]. The full-sized mask looks realistic (fig. 6: *1*). No similar masks are known but their existence in the Eastern Baltics cannot be denied. It is worthwhile to compare the Sakhtysh mask with the upper fragment of one of the Tamula figurines (fig. 6: *3*). Judging by the fragment, the figurine was made in the same style as the other images of the ancestor[27]. Of particular interest is the design of the face which looks as if it was covered with a mask similar to that from the first "shrine" at the burial ground Sakhtysh-IIa, with high forehead and classic nose. The similarity can be seen particularly well if the Sakhtysh mask is scaled down to the size of the face of the Tamula figurine (fig. 6: *4*). When describing the face of the figurine, L.Yu. Yanits noted that the eyebrows and the nose were outlined by the abrupt descent of the part of the face between them, which made an impression that eyes could be found under the eyebrows[28]. The Sakhtysh mask has the same vertical excision stretching from the forehead to the eyes and produces the effect of the "look form the depth." Two downward oblique lines stretching from under the nose can be seen on the face of the Tamula figurine. They can hardly be interpreted as the portrayal of a moustache. More likely, they represent the method of fastening the mask similar to that of the Sakhtysh mask. In addition to the orifices at the sides of the forehead section for fastening the string, the Sakhtysh mask has a plate with a threshold located under the nose. It was intended for holding the string which preventing the mask from slipping aside. The string was to go down under the ears and to be tied up at the back of the head. And there is one more noteworthy detail which relates the images from Sakhtysh and from Tamula. There is a drilled orifice in the forehead of

[25] L.Yu. Yanits, "New data on the Neolithic in the Baltics", *Sovetskaya arkheologiya*, no. XIX (1954): 196, fig. 23; I.A. Loze, *The Late Neolithic and Early Bronze Age on the Lubāns plain* (Rīga: Zinātne, 1979), 110, fig. 76; 191, Table LI: *1, 5*; I. Loze, *Akmens laikmets Lubāna klānos* (Rīga: Zinātne, 1979), 55; A.M. Miklyaev, "The idol from the Usviaty peatbog", *Sovetskaya arkheologiya*, no. 4 (1967): 288, fig. 1.

[26] D.A. Krainov, E.L. Kostyleva, and A.V. Utkin, "A Cemetery and a 'Shrine' on the Site Sakhtysh IIA", *Russian arhaeology*. 1994. № 2 (1994): 118–130; E. Kostyleva, A. Outkin, and D. Ramseyer, Op. cit.

[27] Yanits, L.Yu. New data on the Neolithic in the Baltics, 196, fig. 23:1.

[28] Ibid, 196–197.

the Tamula figurine. None of the other figurines have anything like that. And the orifice was hardly intended for suspension as L.Yu. Yanits believed[29]. The figurines could be worn as amulets with the fastening (a strap or a string) arranged between the arms and the body. The orifice could have had a sacred meaning (like the third eye of the induist deity Shiva). At the moment of unearthing at the "shrine" the Sakhtysh mask had a pierced sub-triangle subcentral orifice in the forehead with two radiating cracks. It is impossible to say wether the mask was damaged when adminestering a rite or in an enemy atack or cracked in an attempt to drill an orifice similar to that of the Tamula figurine.

Therefore, the anthropomorphous bone figurine from the grave no. 58 and the antler face mask from the first "shrine" have counterparts hundreds of kilometers to the west of Sakhtysh in the late Neolithic cultures with porous ceramics, from which the "abmer-bearing" migrants arrived in the area of lake Sakhtysh.

Judging by radiocarbon dating of the coal from the bottom of the pit, the second "shrine" was constructed about 4240±160 BP (GIN-6787), which means that it dates back to the later period than the first "shrine". It did not contain any impressive artifacts except for the bone pendant in the form of a three-dimensional bird head. Such pendants in the form of the bird heads of various species composition were widely spread at Sakhtysh sites and in the ritual hoards of the final stage of the culture[30].

Conclusion

Summing up the above, we can say that specific soil composition at the site Sakhtysh-IIa (peaty or sandy clay loam) provided preservation of the artifacts made of organic materials such as antler and bone which were absent from the settlements and burial grounds with different (usually sandy) soil composition.

Graves of the Lialovo culture are characterized by the poor burial inventory. Only four of the 15 graves with 17 skeletons contained burial inventory which was represented mostly by bone tools. It may be explained by the difficult life conditions of the people when all effort was aimed at survival. They had no free time for making special burial inventory and the things left behind by the dead were to serve the living. Besides, the lifespan of Lialovo people was very short: about one third of the buried were 1–5-year-old children and one third were adults of 20–25 years of age (six and six persons, accordingly). They did not live long enough to pile up things which were unnecessary and possessed only the essentials. The poverty of people resulted in the scarcity of burial inventory and this circumstance is unlikely to have been connected with religious norms.

A completely different situation can be seen in the Volosovo culture. Its representatives never put production tools into their graves, but ornaments of different

[29] Ibid, 196.

[30] E.L. Kostyleva, and A.V. Utkin, *The Neolithic and Aeneolithic burials,* 96, fig. 32:6.

kinds were found in more than half of both the early and the late Volosovo burials. Male graves which contained amber ornaments prevailed in the early Volosovo burials. Pendants made of animal teeth or bone were rare. The dominating type of the ornaments in the late Volosovo graves were teeth pendants, most of which were bear teeth. There is no doubt that it was related to the totemic worship of the ancestor bear, widely spread in the late Volosovo culture. It is possible that the search of the origins of the cult can lead us to the east. The bone anthropomorphous figurine found in the grave and antler face mask from the "shrine" are connected with the cult of the male ancestor. The analysis of the images makes it possible to discuss their western (chiefly eastern Baltic) counterparts.

Список литературы

Алексеева Т.И., Денисова Р.Я., Козловская М.В., Костылёва Е.Л., Крайнов Д.А., Лебединская Г.В., Уткин А.В., Федосова В.Н. Неолит лесной полосы Восточной Европы: Антропология Сахтышских стоянок. М.: Научный мир, 1997. 191 с.

Гадзяцкая О.С., Уткин А.В. Новые раскопки Вашутинской стоянки // Советская археология. 1989. № 1. С. 125–144.

Жилин М.Г. Роговые посредники и отжимники в мезолите Волго-Окского междуречья // Краткие сообщения Института археологии. М.: Наука, 2012. Вып. 227. С. 211–230.

Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Радиоуглеродная хронология нео-энеолитических погребений на стоянке Сахтыш-IIA // Вестник Ивановского государственного университета. 2009. Вып. 4. С. 28–37.

Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: Планиграфические и хронологические структуры. М.: ТАУС, 2010. 300 с.

Костылёва Е.Л., Уткин А.В. История и основные результаты изучения поселения и могильника Сахтыш IIA // Самарский научный вестник. 2014. № 4(9). С. 61–64.

Костылёва Е.Л., Трейо Ж. (Treuillot J), Уткин А.В. Костяной инвентарь льяловских захоронений могильника Сахтыш IIa (Из фондов археологического музея ИвГУ) // Вестник ИвГУ. 2015. Вып. 4 (15). История. С. 49–57.

Костылёва Е.Л., Уткин А.В., Мацане А. «Восточный след» в энеолитических захоронениях Сахтышских могильников // Тверской археологический сборник. Вып. 11. Тверь: Триада, 2018. С. 565–577.

Крайнов Д.А. О религиозных представлениях племен волосовской культуры // Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988. С. 38–44.

Крайнов Д.А., Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Погребения и ритуальные комплексы на стоянке Сахтыш IIa // Археологические вести. 1993. № 2. С. 20–30.

Крайнов Д.А., Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Могильник и «святилище» на стоянке Сахтыш IIa // Российская археология. 1994. № 2. С. 118–130.

Крайнов Д.А., Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Волосовская антропоморфная фигурка со стоянки Сахтыш IIA // Российская археология. 1994. № 3. С. 103–105.

Крайнов Д.А. Искусство в неолите-энеолите. Русская равнина, Центр // *Ошибкина С.В., Крайнов Д.А., Зимина М.П.* Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М.: Наука, 1992. С. 68–111.

Лозе И.А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига: Зинатне, 1979. 204 с.

Микляев А.М. Идол из Усвятского торфяника // Советская археология. 1967. № 4. С. 287–291.

Янитс Л.Ю. Новые данные по неолиту Прибалтики // Советская археология. 1954. № XIX. С. 159–204.

Dolbunova E., Kostyleva E., Kulkova M., Meadows J., Mazurkevich A., Lozovskaya O. Chronology of Early Neolithic materials from Sakhtysh IIa (Central Russia) // Documenta Praehistorica. XLIV (2017). P. 176–191.

Hartz S., Kostyleva E., Piezonka H., Terberger T., Tsydenova N., Zhilin M. Hunter-gatherer pottery and charred residue dating: New results on early ceramics in the north Eurasian forest zone // Radiocarbon. 2012. Vol. 54. № 3–4. P. 1033–1048.

Kostyleva E., Outkin A., Ramseyer D. Fiche masque sur bois d'élan // Objets méconnus: Industrie de l'os préhistorique. Paris: Société Préhistorique Française, 2001. Cahier IX. P. 85–89.

Larsson L., Stutz L.N., Zagorska I., Bērziņš V., Ceriņa A. New Aspects of the Mesolithic-Neolithic Cemeteries and Settlement at Zvejnieki, Northern Latvia // Acta Archaeologica. 2017. Vol. 1. P. 57–93.

Loze I. Akmens laikmets Lubāna klānos. Riga: Zinātne, 1979. 88 lpp.

Piezonka H., Kostyleva E., Zhilin M., Dobrovolskaya M., Terberger T. Flesh or fish? First results of archaeometric research of prehistoric burials from Sakhtysh IIa, Upper Volga region, Russia // Documenta Praehistorica. 2013. Vol. XL. P. 57–73.

Piezonka H., Meadows J., Hartz S., Kostyleva E., Nedomolkina N., Ivanishcheva M., Kosorukova N., Terberger T. Stone Age pottery chronology in the northeast European forest zone: New AMS and EA-IRMS results in foodcrusts // Radiocarbon. 2016. № 58(2). P. 267–289.

Utkin A. Waterfowl representations on ceramics from Sakhtysh I and VIII // Fennoscandia Archaeologica. 1989. Vol. VI. P. 99–100.

Utkin A. Graves of the Volosovo culture at the Vashutino site in Central Russia // Fennoscandia Archaeologica. 1993. Vol. X. P. 51–57.

Zagorskis F. Zvejnieku akmens laikmeta kapulauks. Riga: Zinātne, 1987. 132 p.

References

Alekseeva, T.I., R.Ya. Denisova, M.V. Kozlovskaya, E.L. Kostyleva, D.A. Krainov, G.V. Lebedinskaya, et. al. *Neolit lesnoi polosy Vostochnoi Evropy: Antropologiya Sakhtyshskikh stoyanok* [The Neolithic of East European forest zone: Anthropology of Sakhtysh Sites]. Moscow: Nauchnyi mir, 1997. 191 p. (in Russian)

Dolbunova, E., E. Kostyleva, M. Kulkova, J. Meadows, A. Mazurkevich, and O. Lozovskaya. "Chronology of Early Neolithic materials from Sakhtysh IIa (Central Russia)", *Documenta Praehistorica*, XLIV (2017): 176–91.

Gadzyatskaya, O.S. and A.V. Utkin. Novye raskopki Vashutinskoi stoyanki [New Diggings at the Vashutino Camp], *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology], no. 1 (1989): 125–44. (in Russian)

Hartz, S., E. Kostyleva, H. Piezonka, T. Terberger, N. Tsydenova, and M. Zhilin. "Hunter-gatherer pottery and charred residue dating: New results on early ceramics in the north Eurasian forest zone", *Radiocarbon*, vol. 54. no. 3–4 (2012): 1033–048.

Kostyleva, E., A. Outkin, and D. Ramseyer. "Fiche masque sur bois d'élan". In *Industrie de l'os préhistorique*. *Cahier IX. Objets méconnus*, 85–89. Paris: Société Préhistorique Française, 2001.

Kostyleva, E.L., J. Treuillot, and A.V. Utkin. ”Kostyanoi inventar' l'yalovskikh zakhoronenii mogil'nika Sakhtysh IIa (Iz fondov arkheologicheskogo muzeya IvGU)” [Bone inventory of Lialovo culture Cemetery burials Sakhtysh IIa (Based on IvSU museum of archeology funds)], *Vestnik IvGU* [Ivanovo State University Bulletin. Series “The Humanities”], iss. 4 (15) (2015): 49–57. (in Russian)

Kostyleva, E.L., and A.V. Utkin. ”Istoriya i osnovnye rezul'taty izucheniya poseleniya i mogil'nika Sakhtysh IIA” [The history and results of exploring settlement and burial ground Sakhtysh IIa], *Samarskii nauchnyi vestnik* [Samara scientific bulletin], no. 4(9) (2014): 61–64. (in Russian)

Kostyleva, E.L., and A.V. Utkin. ”Radiouglerodnaya khronologiya neo-eneoliticheskikh pogrebenii na stoyanke Sakhtysh-IIA” [The C-14 Chronology of Neolithic and Aeneolithic Burials on the Sakhtysh IIA site], *Vestnik IvGU* [Ivanovo State University Bulletin. Series “The Humanities”], iss. 4 (2009): 28–37. (in Russian)

Kostyleva, E.L., A.V. Utkin, and A. Macane. ”«Vostochnyi sled» v eneoliticheskikh zakhoroneniyakh Sakhtyshskikh mogil'nikov” [Oriental trace’ in aeneolithic graves at Sakhtysh burial grounds], *Tverskoi arkheologicheskii sbornik* [Tver archaelogical collection], iss. 11 (2018): 565–77. (in Russian)

Kostyleva E.L., and A.V. Utkin *Neo-eneoliticheskie mogil’niki Verhnego Povolzh’ya i Volgo-Okskogo mezhdurech’ya: Planigraficheskie i khronologicheskie struktury* [The Neolithic and Aeneolithic burials of the Upper Volga Region and the Volga-Oka Interfluve: Planigraphic and Chronological Structures]. Moscow: TAUS, 2010. 300 p. (in Russian)

Krainov, D.A. “Iskusstvo v neolite-aeneolite. Russkaya ravnina, Tsentr” [The art of the Neolithic-Eneolithic. The Russian Plane, Centre]. In *Iskusstvo kamennogo veka (Lesnaya zona Vostochnoi Evropy)* [The art of the Stone Age (Forest Zone of Easten Europe)], 68–111. Moscow: Nauka, 1992. (in Russian)

Krainov, D.A. “O religioznykh predstavleniyakh plemen volosovskoi kultury” [On religious views of the tribes of Volosovo culture]. In *Drevnosti slavyan i Rusi* [The antiquities of the Slavs and Rus], 38–44. Moscow: Nauka, 1988. (in Russian)

Krainov, D.A., E.L. Kostyleva, and A.V. Utkin. “Mogil'nik i «svyatilishche» na stoyanke Sakhtysh IIa” [A Cemetery and a ‘Shrine’ on the Site Sakhtysh IIA], *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian arhaeology], no. 2 (1994): 118–30. (in Russian)

Krainov, D.A., E.L. Kostyleva, A.V. Utkin. ”Pogrebeniya i ritual'nye kompleksy na stoyanke Sakhtysh IIa” [Burials and Ritual Complexes at the Site Sakhtysh-Iia], *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News], no. 2 (1993): 20–30. (in Russian)

Krainov, D.A., E.L. Kostyleva, and A.V. Utkin. ”Volosovskaya antropomorfnaya figurka so stoyanki Sakhtysh IIA” [Volosovo culture antropomorphous figurine from Sakhtysh IIA site], *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian archaeology], no. 3. (1994): 103–05. (in Russian)

Larsson, L., L.N. Stutz, I. Zagorska, V. Bērziņš, and A. Ceriņa. “New Aspects of the Mesolithic-Neolithic Cemeteries and Settlement at Zvejnieki, Northern Latvia”, *Acta Archaeologica*, vol. 1 (2017): 57–93.

Loze, I. *Akmens laikmets Lubāna klānos* [Lubāna wetland habitation in the Stone Age]. Riga: Zinātne, 1979. 88 lpp. http://www.lza.lv/LZA_VestisA/69_3-4/10_Vygandas%20Juodagalvis.pdf

Loze, I.A. *Pozdnii neolit i rannyaya bronza Lubanskoi ravniny* [The Late Neolithic and Early Bronze Age on the Lubāns plain]. Riga: Zinātne, 1979. 204 p. (in Russian)

Miklyaev, A.M. “Idol iz Usvyatskogo torfyanika” [The idol from the Usviaty peatbog], *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology], no. 4 (1967): 287–91. (in Russian)

Piezonka, H., E. Kostyleva, M. Zhilin, M. Dobrovolskaya, and T. Terberger. “Flesh or fish? First results of archaeometric research of prehistoric burials from Sakhtysh IIa, Upper Volga region, Russia”, *Documenta Praehistorica*, vol. XL (2013): 57–73.

Piezonka H., J. Meadows, S. Hartz, E. Kostyleva, N. Nedomolkina, M. Ivanishcheva, et al. “Stone Age pottery chronology in the northeast European forest zone: New AMS and EA-IRMS results in foodcrusts”, *Radiocarbon*, no. 58(2) (2016): 267–89.

Utkin, A. “Graves of the Volosovo culture at the Vashutino site in Central Russia”, *Fennoscandia Archaeologica*, vol. X (1993): 51–57.

Utkin, A. “Waterfowl representations on ceramics from Sakhtysh I and VIII”, *Fennoscandia Archaeologica*, vol. VI (1989): 99–100.

Yanits, L.Yu. “Novye dannye po neolitu Pribaltiki” [New data on the Neolithic in the Baltics], *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology], no. XIX (1954): 159–204. (in Russian)

Zagorskis, F. *Zvejnieku akmens laikmeta kapulauks* [Zvejnieki (Northern Latvia) – Stone Age Cemetery]. Riga: Zinātne, 1987. 132 lpp. https://www.amazon.co.uk/Books-Francis-Zagorskis/s?ie=UTF8&page=1&rh=n%3A266239%2Cp_27%3AFrancis%20Zagorskis

Zhilin M.G. ”Rogovye posredniki i otzhimniki v mezolite Volgo-Okskogo mezhdurech'ya” [Antler mediators and pressure flaking tools in the Mesolithic of the Volga–Oka interfluve]. In *Kratkie Soobshcheniya Instituta Arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], vol. 227, 6. Moscow: Nauka, 2012. (in Russian)